

A man and a woman are shown in a close embrace. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit over a white shirt. The woman has long brown hair and is wearing a light blue button-down shirt. They are in a well-lit room with large windows in the background, showing greenery outside. The overall mood is intimate and romantic.

Злата
ЗОРИЧ

РАЗВОД в 45
Счастье после тебя

Злата Зорич

Развод в 45. Счастье после тебя

<https://litres.ru/74396814>

Аннотация

— Я девушка Ярослава! А вы кто?

— Я его жена...

Так я узнала о том, что муж завел молодую любовницу. И не просто завел — а поселил ее в нашей квартире, которую мы покупали «под сдачу».

Ярослав уверен, что я никуда не денусь. У нас двое детей, я привыкла жить ради семьи, зарабатываю гораздо меньше него и давно разучилась выбирать себя.

Но я подам на развод. Вернусь в профессию. Научусь жить без него. Заберу то, что принадлежит мне. И построю свою жизнь так, как хочу сама!

Только всё становится ещё сложнее, когда я узнаю, что беременна от мужа, которого больше не хочу видеть... А рядом неожиданно оказывается его начальник — мужчина, которого я слишком долго считала просто другом.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	48
Глава 12	54
Глава 13	61
Глава 14	68
Глава 15	74
Глава 16	81
Глава 17	87
Глава 18	94
Глава 19	100
Глава 20	105
Глава 21	110
Глава 22	116

Глава 23	122
Глава 24	129
Глава 25	136
Глава 26	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Пролог

Я вставила ключ в замок, открыла дверь.

И мы с сестрой обе застыли на пороге.

Потому что в коридор вылетела девушка. Высокая, молодая, с длинными растрёпанными волосами и в коротком шёлковом халате, который тут же оказался сброшен на пол одним движением. Она широко улыбнулась и, взмахнув руками, выкрикнула:

— Сюрприз!

Я смотрела в её сияющее лицо, в эти глаза, полные восторга и радости — радости от того, что она ждала кого-то.

И действительно, кого же она могла ждать в *нашей* квартире?

Лена первой пришла в себя.

— Да уж... Вот уж действительно сюрприз так сюрприз. Дамочка, а вы чьих будете?

— Я девушка Ярослава, — гордо сказала она. — А вы кто?

— Я... его жена, — прошептала я побелевшими губами.

Девушка схватила с пола халат, торопливо запахнула его. В её взгляде сначала промелькнула растерянность, а потом — усмешка.

— Жена? — протянула она. — Вы в этом уверены?

От этого вопроса я мигом потеряла дар речи, поэтому Лене пришлось отвечать за меня:

— Уверены, конечно! А как же!

— А он мне говорил, что в процессе развода. Вы точно уверены, что вы уже не бывшая жена?

Лена угрожающе шагнула на нее:

— Девочка, ты совсем куку? Перед тобой стоит законная супруга, мать его детей, хозяйка этой квартиры!

— А чего вы на меня орёте? — нахмурилась девица. — Ярослав человек слова. Он всегда держит обещания. Обещал мне квартиру и подарил ее!

— Ты давай-ка, дуй отсюда! — скомандовала Лена. — Подарил он ей квартиру, ага, как же! И как только земля носит таких дур... Шмотки свои собрала и шуруй на выход!

Девушка гордо вскинула голову.

— Никуда я отсюда не уй-ду!

Я сделала шаг назад, схватила Лену за руку. Она всё ещё кипела, готовая вцепиться в девушку ногтями, но я вытащила её обратно на лестничную клетку.

— Знаешь что, красавица? — процедила Лена сквозь зубы. — Смотри, чтоб через месяц он не подселил сюда кого-то поновее и посвежее тебя!

Девушка резко захлопнула дверь прямо перед нашими лицами.

— Шмара! — выкрикнула Ленка на прощание.

Я же стояла рядом с ней, представляя, что это сон, ошибка, нелепое совпадение.

На самом деле, не было, конечно, никакой ошибки. Это

был его ключ. Его квартира. Его тайна.

Так вот почему он отказал мне, когда я заговорила о квартире для Лены. Вот почему он всё чаще задерживался на работе. Всё сложилось в одну чудовищно простую картину.

Не просто измена. Он поселил её здесь. В нашей квартире.

— Ну ты и урод, Ярослав... — процедила сестра сквозь зубы. — Оляка, пошли отсюда.

Глава 1

За день до событий

Я как раз заполняла карточки после обхода, когда в кармане халата зазвонил телефон и на экране вспыхнуло: «Сестра Лена».

— Оль, привет, — её голос был взволнованным и громким, и с первых секунд я поняла, что произошло что-то экстраординарное. — Ты не поверишь... Мне предложили переехать в Москву!

— Серьёзно? — я улыбнулась, хотя и была к этому времени, как выжатый лимон. — Не может быть!

— Может! — вскрикнула Лена. — Еще как может! Ура!

— Это же супер, поздравляю! — я искренне обрадовалась. Мы с сестрой уже давно мечтали о том, чтобы иметь возможность видеться чаще. — Но где ты будешь жить?

— Вы вроде закончили ремонт в той квартире, которую вы купили под сдачу... Может, сдадите ее мне?

— Даже не знаю, Лен. Как-то неудобно брать с родственников деньги...

— Даже не думай, — сразу перебила она. — Всё оплачивает фирма! И готова платить даже выше рынка! Так что и мне хорошо — не надо будет искать, ездить на просмотры, платить риэлтору. И вам выгодно — денюжки в семью пойдут...

Да, это логично. И для нас выгодно, и ей удобно. Но почему-то мои мысли сразу же метнулись к мужу: как отреагирует он? и почему мне заранее кажется, что его это не обрадует?

Но я представила Лену — суматошную, суетную, которая могла одновременно построить серьёзную карьеру и не могла распланировать ничего серьёзного в жизни — и мне захотелось ей помочь.

— Короче, завтра я буду в Москве, — снова огорошила меня сестренка. — Приеду, чтобы подписать бумаги на перевод, поэтому можем с тобой завтра встретиться. Посмотреть квартиру заодно. Я бы закинула туда кое-какие вещи, чтобы в следующий раз баулы не тягать. Что скажешь?

А что я могла сказать? Конечно же, я согласилась.

А с мужем решила поговорить вечером, лицом к лицу, а не по телефону. Но Ярослав сильно задержался на работе — впрочем, как всегда. Я успела забрать детей из школы, развести их по репетиторам и секциям, покормить, сделать с ними уроки и уложить спать — а он так и не появился. Я сидела на кухне, где его ждал накрытый стол: ужин в тарелке остывал, свеча в стакане, зажжённая для уюта, догорела почти до конца.

Когда, наконец, ключ повернулся в замке, я вздрогнула, хотя ждала именно этого звука.

Он вошёл, не глядя по сторонам. Бросил сумку у двери, скинул куртку и прошёл на кухню. Увидев меня, небрежно

кивнул вместо приветствия, достал бутылку пенного из холодильника и сделал глоток.

— Я уже поужинал, — бросил он коротко и ушел в гостиную.

Я застыла возле ненужных ему тарелок с едой. Смотрела на них и чувствовала, как во мне поднимается то липкое чувство обиды, когда вкладываешь душу во что-то, а это что-то отбрасывают.

Я вошла в гостиную. Ярослав держал бутылку, глядя на экран, где мелькали чужие лица, чужие истории, и даже не замечал меня.

— Ты поздно, — тихо сказала я, — дети тебя ждали.

Он пожал плечами.

— Работа.

Его взгляд прилип к экрану, а я превращалась в прозрачный силуэт, который можно не замечать.

И в тот момент во мне что-то дрогнуло: не злость, не ревность, а какая-то непонятная тоска от того, что рядом сидит человек, с которым у меня двое детей, общий дом, общая жизнь, но нет самого простого — близости.

— Слушай... мне сегодня звонила Лена. Сестра... Ей предложили работу в Москве, и ее компания готова оплачивать ей аренду жилья. Даже выше рынка. И я подумала... может, сдадим ей ту квартиру в Москве? Всё равно она стоит пустая. И нам выгодно, и ей удобно.

— Родственникам сдавать — плохая идея.

— Почему? Она же не просит там жить бесплатно. Чем она хуже чужих людей?

— Не хочу проблем. С родственниками всегда так. Потом ещё обиды начнутся. Не надо.

— Но это ведь моя сестра... Предлагаешь ей скитаться по чужим квартирам?

Он дернул плечом, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Я сказал — не хочу. Все, тема закрыта.

Глава 2

Да, Ярослав всегда старался для нас. Зарабатывал, обеспечивал. Благодаря ему у нас уже через несколько лет после переезда в столицу была просторная квартира в Подмоскovie, а я смогла спокойно родить двоих детей. Потом появилась новая машина, маленькая квартира в Подмоскovie «под сдачу», потом еще одна такая же в Москве. А теперь строилась трёхкомнатная, уже для всей семьи. В этом он, несомненно, надёжен: умеет строить бизнес, вкладывать, думать на шаг вперёд.

Но всё остальное... Вечера он частенько проводил в компании телевизора или друзей, а не со мной и детьми. Зато для друзей у него всегда находилось время. Он любил ездить на рыбалку или «отдохнуть» на пару дней, чтобы вернуться с похмельным блеском в глазах. А дома становился всё более молчаливым и закрытым, словно мы лишь фон для его жизни.

И я привыкла. Считала, что так и должно быть. Что мужчина не должен быть ласковым, может не дарить цветы и не говорить нежности, но главное — чтобы был дом, была стабильность, чтобы детям было, что есть и где жить.

Но сейчас, глядя на него, отмахивающегося от меня холодным «тема закрыта», я впервые остро почувствовала: стабильность — это еще далеко не все.

Этой ночью я снова легла спать одна. Когда дети были маленькими, я привыкла к отсутствию мужа рядом — он часто уходил ночевать в гостиную под предлогом, что малыши мешают ему спать. Тогда мне казалось, что это временно, что вот подрастут — и мы снова будем засыпать вместе, как прежде. Но дети наши давно выросли, а привычка осталась. Конечно, временами мне приходилось исполнять супружеский долг — исключительно, когда муж захочет, а не когда захочу я.

Сегодня он тоже заснул в гостиной, под включенный телевизор. А я лежала, уставившись в потолок, и думала о том, как странно чужим может казаться человек, с которым ты прожила почти двадцать лет. Ярослав был рядом физически — в соседней комнате, за стеной. Но по-настоящему близкими мы не были уже очень давно.

Утром я вышла на кухню — его уже не было. Телевизор выключен, пустая бутылка стоит на столике (он не мог за собой даже бутылку убрать, настолько привык, что у него есть его личная служанка), а сам он словно растворился в воздухе.

На сердце снова заскребли кошки — я хотела с утра еще раз поговорить с Ярославом. Хотела потребовать объяснений, услышать хоть какие-то внятные слова, а не равнодушное «тема закрыта».

Но возможности не было: он уехал, не попрощавшись. А с другой стороны... Почему я вообще должна спраши-

вать у него разрешения? Разве эта квартира — не совместно нажитое нами имущество?

Я пошла в комнату, которая служила ему кабинетом, и начала искать. Я точно знала, что где-то здесь он хранит запасные ключи от всех квартир.

Сердце колотилось как бешеное. Почему у меня такое чувство, будто я вор, который роется в чужом? Ведь это не чужое! Мы семья. Эти квартиры покупались для нас.

Наконец, в глубине нижнего ящика, под папкой с документами на машину, я нащупала металлический брелок. Села в удобное, кожаное кресло мужа и достала телефон.

— Лен, привет. Да, всё в силе. Давай встретимся и поедem вместе.

— А Ярослав не против?

— Нет, конечно, он не против, с чего бы?

И действительно — с чего?

Глава 3

Я сидела в кафе у окна — и снова и снова возвращалась к вопросу о том, почему муж отказался от идеи с квартирой? Должна же быть какая-то веская причина...

— Олька! — звонкий голос сестры вырвал меня из вязкого болота мыслей.

Она буквально рухнула на стул напротив меня и бросила папку с документами на стол:

— Всё! Подписали! Перевод согласован, теперь я официально в новой команде! Ты не представляешь, как я счастлива!

— Поздравляю! Ты заслужила. Молоток!

— Ты бы видела моего нового директора! — она всплеснула руками, так, что едва не задела официанта с подносом.

— Оль, это не мужчина, а мечта! Такой — ух!

— Так. А ты вообще в курсе, что замужем?

Она закатила глаза и засмеялась.

— Эх... Да, есть такое. Ты, Олька, как всегда — строго стоишь на страже нравственности!

— А как же!

— Да брось! Это просто эмоции. Я замужем, но я все-таки не слепая!

Я вздохнула, отчётливо ощущая разницу между нами. Её лёгкость, её умение радоваться всему, даже красавчику-на-

чальнику, вдохнули жизнь и в мое размеренное существование. То, что мы теперь будем видеться чаще — настоящая удача для меня.

— Оль, я чувствую, что всё только начинается! — заговорила она. — Новая работа, новые люди, перспективы...

— А как твой муж на это отреагировал? Тоже собрался переезжать или как?

— Да никак. Ты же знаешь моего... — она скривилась. — Его даже бульдозером не сдвинешь с места. Ему и там, в провинции, очень хорошо. Он врос в свой гараж, в свои железяки, в свою старую работу, на которой пашет уже десять лет, и попробуй хоть слово скажи ему про переезд — сразу такую рожу скорчит...

Я невольно улыбнулась. Лена умела так живо изображать людей, что я прямо увидела её мужа с этим выражением.

— И как же вы? Ты будешь туда-сюда мотаться?

— А что делать? — пожала она плечами. — От шанса я не откажусь. Тут, понимаешь, не каждый день такие перспективы выпадают. Буду работать в Москве, а по пятницам домой. На выходные.

— А как же семья без тебя?

— Ну дочь уже взрослая — четырнадцать лет. Она и уроки сама делает, и в магазин ходит, и приготовит. Не младенец же. Как-нибудь справятся.

Я покачала головой.

— Моей шестнадцать. За ними в этом возрасте как раз

глаз да глаз...

— Да ты просто насадка. Чуть что — сразу под крыло. Отпусти её уже хоть немного, пусть сама варится...

— Ага, — пробормотала я. — Потом ее такую варёную не соберёшь...

— Ну что, — Лена хлопнула ладонями по столу. — Пойдём смотреть квартиру?

Мы вышли из метро и немного прошли пешком. Я всё сильнее чувствовала, как внутри поднимается тревога.

— Ну вот, — сказала сестра, оглядывая новостройку. — Отличное место, рядом и магазины, и метро близко. Прямо подарок судьбы!

Мы поднялись на нужный этаж. И что-то сразу показалось мне странным — запах. Не свежей краски или чего-то подобного, как я ожидала. А сильный запах женских духов — сладких, приторных, слишком навязчивых.

А открыв дверь я лоб в лоб столкнулась с полуобнажённой девицей, которая оказалась любовницей моего мужа...

Глава 4

Я шла, не чувствуя под собой ног. Рядом Лена тащила свои баулы, ворчала что-то себе под нос, а потом плюхнулась на первую попавшуюся скамейку во дворе.

— Ну и цирк. Нет, ты видела? «Сюрприз»! — она передразнила девицу таким тоном, что я едва не прыснула от смеха, несмотря на всю трагичность ситуации.

Я села рядом с сестрой. Руки дрожали, дыхание сбивалось. Казалось, я просто не выдержу то количество боли, которое вдруг одним махом обрушилось на меня.

— Ну что, Ляль? — сестра наклонилась ко мне. — Как ты?

— Я не могу... я не верю... — я уткнулась лицом в ладони. — Лена, я же жила с ним... я же считала, что он... что он...

— Что он кто? Принц на белом коне? — резко перебила меня Лена. — Ярослав тот еще фрукт, и ты сама это знаешь. Посиделки с друзьями, поездки, банька — а ты дома с детьми. Да, он хорошо зарабатывал. Но, как выяснилось, не только для тебя!

— Неужели он всё это время... — я не смогла договорить.

— Да! — снова перебила меня сестра. — И теперь у тебя есть два варианта. Либо сидеть и ждать, пока он притащит в вашу общую квартиру ещё десяток таких «сюрпризов», ли-

бо... Закончить это прямо сейчас.

Я молчала. Но в то же время я понимала — никакой семьи уже давно нет. Она до сих пор существует только в моем воображении.

Лена добавила уже мягче:

— Слушай, ну еще не все потеряно. У тебя есть дети, у тебя есть я...

Я подняла глаза и огляделась вокруг. Мир не остановился, он продолжает жить. Только моя жизнь вдруг оказалась переречёркнута одним движением — чужой девичьей руки, распахнувшей халат.

— Так, значит, слушай, — Лена подалась ко мне вперёд, глаза ее загорелись. — Вариант первый: прямо сейчас звоним в полицию. Пусть приезжают и оформляют, что в твоей квартире проживает неизвестно кто. Выселят мигом.

Я вздрогнула.

— Вариант второй, — не унималась Лена, загибая пальцы. — Мы вваливаемся обратно и выносим её чемоданы сами. Пусть только попробует открыть рот! Я таких шустрых видела, сразу хвост подожмёт!

— Лена... — прошептала я. — Ты чего...

— Третий вариант: звоним Ярославу. Пусть объяснит, что эта шлендра делает в вашей квартире. Интересно, что же он придумает...

У меня закружилась голова. Каждое её предложение казалось мне еще хуже предыдущего.

— А четвёртый... слушай, я могу и твоей свекрови позволить! Пусть узнает, какого золотого сыночка вырастила...

Я смотрела перед собой — и ничего не слышала, кроме собственного стука крови в ушах.

— Оля, ну что ты молчишь? — Лена толкнула меня локтем. — Давай решать, а? Мы что, так и будем сидеть на этой лавке до ночи?

Я подняла глаза и с трудом выдавила:

— Я... не знаю. Я просто не знаю, что делать.

— Как это не знаешь? — Лена всплеснула руками. — Я тебе вариантов накидала хоть отбавляй! Ты же понимаешь, что она сейчас сидит там, пока мы тут на скамейке жмемся!

Я закрыла лицо ладонями. Я не могла даже представить себя в одной из этих ролей: звонящей в полицию, вытаскивающей чемоданы, устраивающей скандал. У меня не было сил.

— Я просто... — прошептала тихо, — просто хочу проснуться и понять, что всего этого на самом деле нет. Хочу обратно в свою жизнь...

Лена шумно выдохнула и обняла меня за плечи:

— Ляль, ну что теперь поделаешь... Назад, как говорится, не засунешь. Он её туда привёл. Это не ошибка, не случайность, это его выбор. А теперь решай: будешь ты это терпеть или нет.

Я вздохнула, потерла виски, пытаюсь собраться с мыслями.

— Если я снова увижу её... я не знаю, что сделаю.

Сестра хлопнула ладонью по колену.

— У тебя есть права, и ты должна их отстаивать. Сначала мы выкинем её из квартиры, а потом будем разбираться с остальным.

Я всхлипнула, обняла сумку, будто щит, и кивнула.

— Пойдём, пойдём, — Лена схватила меня за руку. — Вспомни, что ты здесь главная, а не та профурсетка.

Её напор подхватил меня, и я пошла. Шаг за шагом, чувствуя, как внутри нарастает странное упрямство. *А ведь правда... почему я должна молчать? Почему я должна прятаться и дрожать, как школьница, застуканная на чужой территории?*

Мы поднялись на нужный этаж, Лена сама открыла дверь. Я замерла на пороге, ожидая снова увидеть ту девуцу.

Но в квартире было тихо.

— Ну и где хозяйка? — Лена шагнула внутрь и осмотрелась. — Нету! Сбежала! Как таракан от света...

Я прошла за ней.

Да, в квартире никого не было. Но на диване лежал ее халатик, на столике — стояла кружка с недопитым чаем, рядом валялась пачка тоненьких сигарет. Девушка исчезла, но её вещи остались, как доказательство, как метка чужого вторжения в мою жизнь.

Я стояла посреди комнаты и не понимала, что чувствовать. Облегчение, что не придётся снова встречаться с ней

лицом к лицу? Или злость, что ее парфюм и дым от ее сигарет впитался в стены?

— Ну вот, — Лена развела руками. — Оставила весь свой гардероб, значит, вернётся. А знаешь, что это значит? Что мы пока можем спокойно выставить её пожитки за дверь.

Лена энергично взялась за уборку.

— Сейчас соберем этот мусор. Место ему — за дверью.

Она собрала два здоровенных пакета вещей, выдернула из ванной косметичку, со стула — сумочку, с подоконника — зарядку для телефона.

— Давай помогай, не сиди столбом, — скомандовала мне.

Я поднялась и, не глядя, смахнула в пакет туфли, которые стояли у входа. От этого простого движения меня пробрало — руки задрожали, сердце заколотилось, и где-то внутри появилось странное облегчение.

Лена, не церемонясь, распахнула дверь и вытолкнула пакеты ногой в подъезд. Один с грохотом завалился на бок, вещи рассыпались.

— Так. Теперь — замок, — она деловито достала телефон. — Надо найти слесаря. Пусть меняет, и дело с концом!

— Лена... а Ярослав? — меня вдруг остановила мысль о муже. — Что он скажет?

— Какая к черту разница, что он скажет? Главное, что он узнает, что жена у него не терпила, вот и всё, — отрезала сестра.

Глава 5

Вдруг телефон в моей сумочке зазвонил так резко, что я вздрогнула.

— Мам, — в трубке раздался раздражённый голос дочери, — ты где вообще? Я уже опаздываю!

И только тогда я вспомнила, что должна была сегодня, как и всегда, забрать ее после школы и отвезти к репетитору. Но всё это совершенно вылетело у меня из головы.

— Дочь... Я не смогу сегодня...

— Не сможешь? Мне что, пешком идти?

— Давай вызову тебе такси...

— Не надо... — буркнула она и бросила трубку.

Реальность требовала моего возвращения. Работа, дети с их репетиторами и секциями, домашние ужины — вся та привычная жизнь, что я тащила на себе годами. Всё это никуда не делось. Несмотря на потрясение, мне пора было снова впрягаться в ту же упряжку.

Но я не была готова. Я чувствовала себя расколотой на двое.

— Ну и правильно, пусть сама добирается, взрослая кобыла уже, — послышался голос сестры. — Ты в её возрасте через весь город в институт моталась и ничего. Ей полезно немного самостоятельности проявить.

— Ну что, — я покосилась на входную дверь. — Будем

ждать ее вместе?

— Ты боишься меня одну оставить что ли? — сестра хмыкнула.

— Ну да...

Она фыркнула и махнула рукой:

— Да брось ты! Тем более, сейчас слесарь придет, одна не останусь. Можешь спокойно идти по своим делам, я тебе потом позвоню с докладом.

Я смотрела в окно электрички, которая везла меня обратно в Подмоскovie, и думала о том, что будет ждать меня за дверью собственной квартиры. Дом — он должен быть крепостью, местом, где можно спрятаться и выдохнуть.

Но теперь я понимала, что покоя там не будет еще очень долго.

Я вставила ключ в замок, толкнула дверь — и сразу услышала знакомый гул из комнаты сына. Он сидел за компьютером, наушники надвинуты на голову, пальцы лихорадочно бегают по джойстику.

— Ты сделал математику? — устало спросила я, разуваясь.

Он даже не обернулся. Только что-то буркнул в микрофон друзьям по игре.

Я прошла в его комнату, полистала разложенные на столе тетради — пусто. За уроки он даже не брался.

В этот момент зазвонил телефон.

— Ольга, здравствуйте. Я хотела уточнить: у нас сегодня

должна была быть встреча с вашей дочерью, но она не пришла. Может, что-то случилось?

— Как... не пришла? Она же сказала, что придет...

— Нет, не пришла. Я звонила, но она не брала трубку...

Я сразу же набрала номер дочери.

— Мам, я гуляю, — нехотя ответила она после десятого гудка. — Ну а что, я всё равно бы опоздала к этой зануде...

— Рита! — возмутилась я. — Репетиторы — это твоя ответственность!

— Мам, ну хватит. Потом поговорим, ладно? — она отключилась.

Я осталась стоять посреди комнаты, с телефоном в руке. У мужа — любовница, дочь прогуливает репетитора, сын потерялся в виртуальном мире стрелялки. Жизнь трещала по швам.

А я... я не могла собрать себя в кучу.

В ту же секунду входная дверь с грохотом распахнулась. Ярослав ввалился в квартиру. Лицо хмурое, губы сжаты в тонкую линию.

— Ты что сегодня устроила?

Я уставилась на него, не понимая, как он смеет так со мной говорить.

— Это я устроила? Я что ли, поселила девицу в нашу квартиру?

Он поморщился.

— Девица, как ты выражаешься — это моя лучшая со-

трудница. Поняла? Она делает мне самые высокие продажи. И чтобы она могла работать, я предоставил ей жильё.

— Жильё... То, где должна была поселиться моя сестра?

— Сколько можно носиться с твоей сестрой! — он резко ударил кулаком по столу. — У меня бизнес. Понимаешь? Эта девчонка продаёт лучше всех. Мне нужны результаты, а не твои семейные сантименты!

Всё это звучало складно, но только для чужих ушей, а не для моих.

Может, она и правда работает у него. Может, и правда делает хорошие продажи. Но кроме продаж она явно делает ему кое-что еще, что явно выходит далеко за рамки ее служебных обязанностей.

— Ты серьёзно думаешь, что я настолько дура, чтобы поверить?

— Ты накручиваешь себя, Оля. Я знаю твой характер. Увидела то, чего нет.

— Я всё видела собственными глазами! Хватит делать из меня идиотку!

Он замер, будто не ожидал от меня такого отпора.

— Твоя “сотрудница”, как ты её называешь — сама рассказала мне, что вы встречаетесь. Что ты в процессе развода. Что квартира теперь её, потому что ты подарил её ей.

— Бред, — произнёс он почти устало. — Оля, ну ты сама-то слышишь, что несёшь? Ты сама это все придумала?

— То есть, по-твоему, я должна поверить тебе, а не соб-

ственным глазам и ушам?

— Да, должна, — резко ответил он. — Потому что я твой муж!

Я усмехнулась. Как будто этот факт автоматически делает его правым во всем, а меня — обязывает во всем его слушаться.

Он не пытается извиниться. Не ищет оправданий. Конечно, ведь он привык чувствовать себя хозяином положения. Он смотрит на меня свысока, будто я какая-то недалёкая женщина, которой легко запудрить мозги.

Да, он всегда умел лгать — это необходимое качество в бизнесе. Его уверенный тон способен убедить кого угодно. И раньше я всегда ему верила. Но теперь, после увиденного мною “сюрприза”, его уверенность звучала как издевка надо мной.

— Знаешь что, — сказала я твёрдо, — сегодня я поняла, что мужа у меня уже нет. Есть только мужчина, который врёт мне в лицо.

Глава 6

— Ты сошла с ума, — резко бросил муж, делая шаг ближе.
— Ты понятия не имеешь, о чём говоришь. Я пашу день и ночь, чтобы семья ни в чем не нуждалась, а ты устраиваешь сцены!

— Нет, Ярослав. Сегодня я прозрела.

Он замер, будто не узнавая меня в этот момент.

— Слушай сюда, — сказал он уже тише, с нажимом, тем самым тоном, которым обычно давил на всех. — Я не дам тебе разрушить то, что построил...

— Это ты разрушил, — перебила я его. Голос дрогнул, но я не отступила. — Сам. Своими руками.

Я впервые посмотрела на него не как на мужа, не как на отца моих детей, а как на чужого мужчину, который привык со мной никак не считаться.

— Ты всегда всё перевираешь, — процедил он. — Она реально работает у меня, у неё лучшие продажи, и я не собираюсь терять специалиста только лишь потому, что тебя... обуяла ревность.

— Ревность — это когда женщина накручивает себя без повода. А когда она открывает дверь своей квартиры и её встречает голая девка, это уже не ревность, Ярослав. Это факт.

— Всё, хватит! — заорал он. — Я не собираюсь выслуши-

вать твой бред!

— Если это бред... Если это всего лишь твоя сотрудница... Тогда объясни мне одно. Почему она сама сказала мне, что она твоя девушка?

Ярослав лишь скривился. Ему нечего было сказать. Подходящее оправдание он так и не придумал.

— И ещё, — продолжила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от боли и злости. — Она заявила, что квартира её. Что ты подарил ей...

Вдруг Ярослав дернулся — его телефон завибрировал в кармане куртки. Он машинально достал его, бросил на экран быстрый взгляд.

— Не бери, — сказала я холодно. — Мы с тобой еще не договорили!

Но он всё равно ответил.

И из динамика тут же раздался женский визг:

— Ярослав! Что за хрень?! Кто-то выбросил все мои вещи в подъезд! Мои платья, сумки — всё валяется на лестнице! И ключ не подходит! Ты слышишь?! Меня в квартиру не пускают!

Я зажмурилась, внутренне торжествуя.

— Тише... — он попытался шипеть в трубку, пятась от меня к двери, но девица орала так, что я продолжала слышать каждое её слово. — Не ори, я тебе сказал! Потом, потом! Все потом! Я занят!

— «Потом»?! — продолжала она визжать на всю гром-

кость. — Я не собираюсь тут позориться! Приезжай немедленно! Мне нельзя сейчас волноваться!

Я стояла, не шелохнувшись. Каждое слово подтверждало всё, что я и так уже знала.

Он отключил звонок. В комнате воцарилась тишина, такая тяжёлая, что в ушах зазвенело.

— Ну что? Дальше будешь рассказывать мне сказки и вешать на уши лапшу?

Ярослав швырнул телефон с такой силой, что тот едва не разлетелся на части. Его желваки ходили ходуном, руки сжимались в кулаки. Он словно искал, что сказать, но сам понимал, что как-то оправдаться передо мной уже невозможно.

— Ты что там устроила? — заорал он наконец, так и не придумав, что еще можно мне сказать. — Кто дал тебе право? Какого черта ты вообще влезла в мои дела?

— Твои «дела» — это женщина в нашей квартире?

— Ты понятия не имеешь, что происходит! Я разбираюсь с бизнесом, с людьми, которые приносят мне прибыль, а ты... Ты со своей истерикой всё рушишь! Всё было под контролем, пока ты не влезла!

— Да, у тебя все под контролем — любовница живет в нашей квартире, а дети и быт целиком и полностью сброшены на жену, которую ты считаешь слепой душой... Хорошо устроился!

— Эта квартира — моя! И я имею право распоряжаться ею, как считаю нужным!

— Нет, дорогой, это наша квартира.

— Ты истеричка, — процедил он сквозь зубы. — Вот поэтому мне и нужно иногда от тебя отдохнуть...

Мне кажется или он хочет *меня* обвинить в том, что ему пришлось завести любовницу? Хочет сказать, что во всем виноват мой, на самом деле почти ангельский характер?

— Тогда иди. Отдыхай, — сказала я спокойно. — Только не удивляйся, если в следующий раз двери этого дома для тебя уже не откроются.

Ярослав метнулся к двери, схватил телефон. Его лицо было перекошено от злости.

— Да ну вас всех к чёрту! — рявкнул он, врезаясь плечом в косяк.

В коридоре звякнули ключи, и через секунду я услышала, как лифт увозит его вниз.

Я осталась стоять в полном оцепенении. Мне нужно было время, чтобы принять новую реальность, в которой я осталась одна. Опора под названием «муж» рухнула. Всё, что держало меня на плаву, больше не существовало.

Теперь я могла опираться только на саму себя. И, на самом деле, у меня не было времени на принятие. Нужно было действовать быстро.

Я провела рукой по лицу и прошла в его кабинет.

Там — папки с договорами, чеки, распечатки с цифрами. Мне нужно было воспользоваться моментом, чтобы убедиться в том, что та квартира все еще принадлежит нам двоим. И

проверить все, что касается другого имущества. Теперь мне нужно было во многом убедиться. Я не была уверена ни в чем.

Глава 7

Я открыла шкаф с документами и застыла перед ним. Так много папок с бумагами, что совершенно непонятно с какой начать.

Потянула наугад первую попавшуюся. В ней договоры, таблицы, графики, какие-то банковские проводки... Я ничего в этом особо не понимаю.

Но взгляд вдруг зацепился за фразу, написанную карандашом на полях рукой мужа: «Касса. Снято: 2 000 000». Через несколько страниц опять: «Касса. Снято: 1 500 000». Потом ещё. И ещё. Суммы росли, строчки повторялись.

Что значит «снято»? Разве генеральный директор может просто так брать деньги из кассы фирмы, словно это его кошелек? Неужели он *ворует у собственной фирмы*?

Я продолжила перелистывать бумаги — во многих мелка фамилия, которую я очень хорошо знала. Этот человек был не просто партнером по бизнесу Ярослава, не просто инвестором его фирмы и даже не просто крестным отцом нашей дочери. Это был тот самый человек, который когда-то взял его «с улицы» к себе на работу, а со временем сделал своей правой рукой. Благодаря ему у нас появлялись квартиры, машины, достаток.

Неужели он обманывал не только меня? Неужели он плюнул в руку, которая его когда-то вытащила из грязи?

Не зря говорят: если мужчина изменяет жене — он способен предать кому угодно. Сегодня он врёт мне, завтра предаст друга, послезавтра обманет партнёра. Если человек однажды переступил через клятву — дальше у него уже нет тормозов.

Я вдруг почувствовала, как снова подступает тошнота. Мне было противно всё, даже запах его одеколона, впитавшийся в стены квартиры. Я больше не могла сидеть на его месте, прикасаться к его вещам. Это не просто обида, не просто злость. Это отвращение к человеку, с которым я прожила полжизни.

Документов на недвижимость нигде не было. Я обшарила весь шкаф, перелопатила стол — ничего. Пусто.

И тут в голове промелькнула мысль, которая показалась мне спасительной: *он наверняка хранит всё важное в офисе.* Там его территория, туда я точно не сунусь. А значит, если я хочу знать правду, мне придётся ехать именно туда.

Глава 8

Через некоторое время я уже снова ехала в электричке, держась за холодный поручень и глядя в мутное окно. И снова, в очередной раз, горько пожалела о том, что так и не пошла учиться на права, так и не начала сама ездить на машине. Когда-то я говорила Ярославу, что хочу сдать экзамен, хочу сама ездить за рулем. Но тот лишь отмахнулся: *«Да зачем это тебе? Я сам отвезу и тебя, и детей, куда нужно. Не женское это дело, за рулём сидеть»*. Почему я тогда не настояла на своем?

В итоге вышло так, что у Ярослава никогда не было времени нас развозить, и мне приходилось с двумя маленькими детьми кататься с курящими и хамящими таксистами. В итоге и работу нужно было искать в области, как можно ближе к дому, и кружки для детей были не самые лучшие, а те, что в шаговой доступности.

А муж ездил то на одной машине, то на другой, выбирая под настроение, пока я тряслась в электричке среди таких же уставших женщин.

На ресепшене на первом этаже офиса сидела очередная новенькая девушка — они так часто менялись, что я не успевала их запоминать. Эта, как и все ее предшественницы, была слишком ухоженная для простой секретарши. Такое ощущение, что их набирали в модельном агентстве, а не на бир-

же труда.

— К кому вы? — спросила она сухо.

— К Ярославу! Я его жена.

— К сожалению, его нет на месте. У него сейчас встреча.

«То, что у него сейчас встреча, мне хорошо известно и без тебя,» — подумала я.

— Ой, надо же... — сказала я вслух. — Но ничего страшного. Мне всего лишь нужно пройти в его кабинет и кое-что там взять.

— Без него в его кабинет я никого пустить не могу. Это вопрос безопасности.

Я сжала пальцы в кулаки. Мне нужно было пройти туда. Любой ценой.

— Послушайте, — я наклонилась к стойке, — мне срочно нужно в его кабинет. Там лежит кое-что, что принадлежит мне, и я должна это кое-что забрать.

— У нас пропускной режим, — отчеканила она. — Посторонние без сопровождения не допускаются.

— Какая же я посторонняя! Я жена генерального директора!

— Тем более, — ответила она с холодной улыбкой. — Это рабочее пространство, а не семейный подряд.

— У него в кабинете лежат мои документы... Они мне нужны. Сегодня! Это вопрос не вашей грёбаной инструкции, а моей семьи.

— Уважаемая, — протянула она ледяным тоном, — если

ваши документы хранятся в кабинете мужа, то, наверное, он сам и должен их вам передать. Как только освободится...

Я уже чувствовала, что ещё секунда — и я сорвусь, когда вдруг из глубины коридора раздался низкий, уверенный голос:

— Что здесь за шум?

В коридор выглянул мужчина. Его взгляд сразу же зацепился за меня.

— Ольга? — в его голосе послышалось искреннее удивление. — Ты здесь? Не может быть!

И, прежде чем я успела что-то сказать, он подошёл ко мне, широко распахнул руки и заключил в свои крепкие, тёплые объятия. Я так и обмерла. Запах его парфюма и крепость его рук вдруг вернули меня лет на пятнадцать назад — в то время, когда Ярослав только начинал работать у него в фирме, а мы с ним крестили нашу дочку.

— Как же мы давно не виделись! — сказал он, отстраняясь.

Мы с Романом действительно не виделись целую вечность — и встретились, как назло, именно в тот день, когда мне стыдно даже смотреть ему в глаза из-за поступка моего мужа. А он как специально всматривается в мое лицо, внимательно разглядывает.

— Ты совсем не изменилась. Все такая же красавица... Ну что, рассказывай. Как там моя крестница?

— Все хорошо, Ром. Учится. Ей скоро поступать... —

пробормотала я растерянно.

Секретарша даже немного растерялась, увидев какой тёплый прием оказал мне владелец.

— Роман Андреевич... — пробормотала она, но он даже не взглянул на неё.

— Свободна, Марина, — бросил он. — Я сам разберусь.

— Так что ты тут делаешь, Ольга? — продолжил расспрашивать у меня. — Тебе, может, помощь нужна какая-то?

Я едва смогла улыбнуться.

— Да, мне нужно... Мне нужно пройти в кабинет к Яро-славу, чтобы кое-что забрать. Он сам попросил меня...

Роман даже не стал слушать мои оправдания.

— Ну что ж, пойдём. Я сам провожу тебя.

И в этот момент у меня закружилась голова. Встреча с Романом была словно знак свыше. Словно сама судьба дала мне шанс попасть туда, куда меня ни за что бы без него не пустили.

Глава 9

Роман приобнял меня за плечи и повёл по коридору.

— Ты знаешь, — сказал он, — я очень рад тебя видеть...

Ярослав редко рассказывает о доме, поэтому я совсем не слышу новостей о вас. Я так давно не виделся с крестницей. И с ее братом тоже. Им ведь... шестнадцать и пятнадцать, верно?

Я кивнула, глотая ком в горле. *Да, шестнадцать и пятнадцать. Даже их родной отец порой забывает сколько им лет.*

— Так как у вас дела? Дети, дом... всё в порядке?

Я хотела отмахнуться дежурным «да, всё хорошо», но мне вдруг захотелось хоть чем-то поделиться.

— У детей сложный возраст. Сын целыми днями в компьютерных играх, — я усмехнулась горько, — а дочь... за ней нужен глаз да глаз.

— Помню, как ты впервые мне её показала. Она лежала в коляске, такая крошечная, — сказал он неожиданно мягко. — Как же быстро летит время ...

После его слов наше общее прошлое пролетело перед глазами за один миг. Поначалу мы дружили семьями: ездили на дачу к Роману и его жене, устраивали посиделки дома, пару раз даже вместе слетали на море. Жизнь тогда казалась такой простой...

Потом, как это обычно бывает, мы постепенно начали отдаляться друг от друга. Ну а когда Роман развёлся, дружить семьями уже стало нельзя. Разговоры на праздниках становились все короче, приглашения все реже. У Романа появилась новая женщина, гораздо моложе предыдущей, и те старые семейные посиделки, где взрослые смеялись, а дети лазили под столом, постепенно сошли на нет.

Я думала об этом, глядя на его профиль. Да, люди меняются, время меняет людей. Но, казалось, что Роман остался таким же — добрым, щедрым, открытым...

— А ты как? — его голос вернул меня обратно в настоящее.

— Держусь, — ответила коротко.

Мы подошли к двери кабинета генерального директора, и я почувствовала, как нежные воспоминания о прошлом сменились жестокой правдой сегодняшнего дня.

Роман достал ключ-карту, провёл — и дверь мягко щёлкнула.

— Проходи, — сказал он, пропуская меня вперёд.

Я вошла — и остановилась. Я чувствовала себя воровкой, которая сейчас будет рыться в чужих вещах.

Роман тихо прикрыл за нами дверь.

— Ну что, Ольга, — сказал он тихо, — а теперь рассказывай. Что именно привело тебя сюда?

— Мне нужно... кое-что проверить.

Я медленно подошла к столу. Я не знала, за что хвататься

— слишком много было здесь документов, которые скорее всего относились к рабочему процессу, и мне было неудобно их трогать.

Я дернула наугад первый ящик стола. Там, среди канцелярских скрепок, бумаг и визитниц лежал сверкающий серебристой фольгой квадрат. Презерватив.

Я застыла, уставившись на эту маленькую вещицу, такую незначительную и в то же время такую красноречивую. Этот предмет говорил сам за себя.

И усмехнулась. Усмешка вышла совсем уж горькой. А на глаза выступили слёзы...

«И ведь он не постеснялся делать это прямо в своем кабинете, — подумала я. — Наверное, она действительно с ним работала...»

Я опустила в кресло.

— Оля... — тихо позвал меня Роман.

Я вздохнула, положила находку обратно в ящик и с грохотом захлопнула его.

— Извини. Я вообще не должна была... — выдавила я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — ... сюда лезть.

Он шагнул ближе, облокотился на стол, наклонился ко мне.

— Это *не ты* должна просить прощения...

Я встала, силой воли взяла себя в руки и начала делать то, ради чего вообще сюда пришла — искать документы.

— Может, скажешь мне, что именно ты ищешь? Я мог бы

тебе помочь...

В этот момент в моей сумочке завибрировал телефон, и я, не глядя на экран, сняла трубку.

— Он меня всё-таки выгнал, — спокойно, но с какой-то горечью сказала сестра. — Ну а что мне оставалось? Не драться же с собственным зятем? Шмотки мои выставил, и ключи забрал. Я сижу у подъезда...

Я прикрыла глаза, ощущая, как волна холодной ярости поднимается где-то из глубины.

— Подонок...

Я произнесла это почти шёпотом, но Роман, стоявший напротив, всё услышал.

— Лена, жди меня. Я сейчас приеду, — бросила я в трубку.

— Да ладно, — отмахнулась она, — не утруждайся. Я вызову такси. И сниму гостишку...

— Нет! — отрезала я. — Никакой гостишки! Жди меня.

Я бросила трубку и направилась к двери.

— Далеко собралась? — остановил меня Роман.

— За сестрой, — ответила я. — Она одна, с вещами, у подъезда...

Роман кивнул и тоже направился к выходу.

— Я тебя подвезу.

Глава 10

Мы вместе вышли из кабинета и направились на стоянку. Как ни странно, именно присутствие Ромы придавало мне сейчас какой-то уверенности. Только это могло удержать меня от того, чтобы разрыдаться прямо здесь. Я вынуждена была при нем пытаться сохранить лицо.

Мы сели рядом в его машину, плечо к плечу, и я почувствовала, как от него исходит тепло. И этот запах — лёгкий, дорогой одеколон, в котором угадывались терпкие ноты — напомнил мне былое: лето, шумную компанию, шашлыки на его даче. Когда-то всё это казалось таким незыблемым, таким родным.

Я закрыла глаза, глубоко вдохнула. И только тогда поняла, как сильно меня трясет.

— Всё в порядке? — он бросил на меня короткий взгляд.

— Да, — соврала я.

Молчание затянулось. Я чувствовала, что он хочет что-то спросить, но сдерживается. И сама тоже хотела сказать хоть слово, но слова застревали в горле.

Хотелось честно вывалить ему всё: и про девицу в халате, и про ложь Ярослава, и про те бумаги, что увидела у мужа в кабинете. Но я осознанно ставила себе стопор на эти изливания.

Повернулась к нему, посмотрела на его строгий профиль.

— Ром... — позвала я негромко.

— Да?

— Ты ведь... всё равно видишь его чаще, чем я... Скажи, тебе не показалось... ну... что он... как-то изменился в последнее время?

Он немного подумал, прежде чем начать говорить.

— Ты знаешь... — наконец сказал он. — Я последнее время редко появлялся в офисе. Почти всё перешло под управление Ярослава. У меня есть и другие проекты, и они сейчас требуют моего постоянного внимания. Ярославу я доверял, он ведь всегда казался мне таким... надёжным. — Он сжал губы и тяжело выдохнул. — Но в последнее время что-то... Что-то действительно пошло не так.

Я слушала его, и у меня внутри всё сжималось. Если Роман чувствует, что в бизнесе «что-то пошло не так» — значит, это не просто мои подозрения.

— А как вообще у вас дела в фирме? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более нейтрально.

— В последнее время... не очень, — сказал он коротко.

Что если проблемы в бизнесе и девка в нашей квартире связаны напрямую?

Я вдруг представила, как Ярослав вытаскивает деньги из фирмы, чтобы оплачивать её прихоти и хотелки, и меня снова затошнило. Не потому, что он тратил на другую женщину, частенько экономя на мне, а потому что он тратил даже не свои деньги. Там был труд других людей. Там был вклад

Романа.

— А ты уверен, что Ярослав справится со всем один? — осторожно спросила я.

— Нет, Ольга, — сказал он. — Совсем не уверен. Последнее время цифры пляшут, отчёты странные. Я собирался во всём разобраться... Поэтому сегодня и приехал в офис — хотел с ним поговорить. Но его не оказалось на рабочем месте. Зря я столько тянул... Думал, как-то само устаканится.

— А если не устаканится? — тихо спросила я.

— Тогда придётся принимать жёсткие решения. И, может быть, очень скоро.

Я кивнула. Конечно, ничего само не устаканится, если рядом — человек, который врет жене и подставляет тех, кто ему доверился.

— А ты... — спросила я осторожно. — Не замечал, что он крутит с кем-нибудь на работе?

Роман чуть заметно вскинул бровь.

— Ты имеешь в виду — с сотрудницами?

Я кивнула.

— Оля... Скажем так. Я никогда не вмешиваюсь в чужую личную жизнь.

— Понимаю. Я так и знала, что ты ничего не скажешь. Мужская солидарность, чтоб ее! До последнего будешь его покрывать...

— Я не хочу никого покрывать, — сказал он после короткой паузы. — Поверь.

— Значит, проще промолчать?

— Проще... но не правильнее. Мне бы не хотелось в чужую семью лезть... — он замолчал, словно не решаясь договорить.

— Ты всегда умел быть честным, Ром. Даже когда это было неудобно. Ты же наверняка видел, как девушки из офиса на него смотрят... это заметно даже слепому.

— И он, — добавил Роман после короткой паузы, — не из тех, кто отказывается от внимания.

Он не сказал ничего лишнего, но этого было достаточно: я почувствовала, что сердцем он на моей стороне.

— Ты сильная, Оля. Ты со всем справишься, — добавил он.

Я усмехнулась — так же горько, как недавно в кабинете.

— Иногда мне кажется, что я давно уже ни с чем не справляюсь.

— Тогда нужно скинуть часть груза с себя, — сказал Рома. — Так будет легче справляться...

В этот момент машина свернула к знакомому двору, и я увидела Лену, которая сидела у подъезда. Сердце сжалось. Захотелось броситься к ней и обнять.

Я выскочила из машины.

— Лена! — я прижала ее к себе, будто хотела закрыть от всего мира. — Господи... ну как так?

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами. Но заплакать я не могла — к нам уже подходил Роман.

— Ну что, девушки, — сказал он. — Поехали?

— А куда? — спросила Лена растерянно.

— Ко мне, — неожиданно вырвалось у меня.

Рома взял у слабо отнекивающейся Лены вещи уверенно и без лишних вопросов. Как же хорошо, когда рядом есть человек, который берёт ситуацию в свои руки, когда все вокруг охвачены растерянностью!

— Ты остановишься у меня, — повторила я уже намного тверже.

— У тебя? — переспросила она, будто не веря. — А как же Ярослав?

— К черту Ярослава!

Глава 11

К тому времени, как мы добрались до дома, за окном уже стемнело.

Сестра сидела рядом со мной, и я всю дорогу сжимала её руку. Мне хотелось как-то утешить ее, успокоить после унижения, которое обрушилось на неё сегодня. Но при Романе не хотелось обсуждать произошедшее, поэтому мы с Леной обе молчали, понимая друг друга без слов.

Рома довез нас, помог выйти из машины, но не торопился уезжать — подхватил сумки сестры и понёс их наверх.

У дверей я попыталась поблагодарить его, но он только покачал головой. Сестра поспешила скрыться в квартире, оставив нас наедине в тесном пространстве подъезда.

— Оль, — произнёс он тихо, почти доверительно. — Ты же знаешь... ты всегда можешь на меня рассчитывать. В любой момент. Захочешь — пиши, звони. По любому поводу. Да и без повода тоже. Мы друг другу не чужие люди!

Я кивнула. Мне хотелось сказать ему больше, чем простое «спасибо», но я пребывала в таком внутреннем раздоре, что просто не находила слов. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было то, чего мне сейчас так не хватало: участие, готовность услышать. И я терялась от этого взгляда.

— Рома... — только и смогла вымолвить я. — Не знаю, как тебя благодарить...

— Номер у меня тот же, — перебил он, глядя мне в глаза.
— Ты его знаешь. Я его не менял. Позвони мне...

Я слабо улыбнулась, пытаюсь скрыть, насколько сильно всё это меня тронуло.

— Спасибо, — выдохнула я. — Позвоню обязательно...

Я вошла в квартиру и тихо прикрыла за собой дверь. Оперлась рукой о стену, пытаюсь хоть немного прийти в себя после целого дня, полного потрясений, как вдруг в коридоре показалась голова сына.

— Ты пришла? — небрежно бросил он. — Ужин готов?

Я медленно повернулась к нему и вместо ответа задала встречный вопрос:

— А ты уроки сделал?

Он тут же, не сказав ни слова, метнулся обратно в комнату. Через секунду оттуда снова донеслись знакомые ритмичные звуки — перестрелка из его любимой компьютерной игры.

Я тяжело вздохнула. Сколько уже часов он там сидит? Три? Четыре? Нет, скорее всего, целый день. Если не стоять у него над душой, то он совершенно ничем больше не будет заниматься, кроме своих игрушек.

— Рита не приходила? — крикнула я в сторону его комнаты.

Ответа не последовало. Только очередной взрыв из колонок и крики компьютерных персонажей.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как нарастает раздражение. Я

кричу — меня не слышат. Я спрашиваю — от меня прячутся. Я надеюсь достучаться — и снова вижу лишь закрытую дверь.

Мне придётся собрать всё это воедино. Дом, детей, сестру, себя... Но как?

Тяжело вздохнув, я прошла в гостиную, где сидела непривычно растерянная Лена. Я опустилась рядом с ней на диван, и какое-то время мы сидели молча.

— Ну... — первой заговорила она, глядя куда-то в пол. — И что ты будешь делать дальше?

Я вздрогнула. Слишком прямой вопрос, к которому я оказалась совершенно не готова.

— Не знаю, — произнесла я почти шёпотом. — Честно, я сама не знаю, что дальше будет.

Я понимала, что просто обязана справиться со всей этой ситуацией, что обязана выйти из нее победительницей, но сейчас... Сейчас я была полностью потеряна, и сестре было невозможно солгать.

— Он... — Лена только начала говорить и тут же замаялась, будто раздумывая стоит ли продолжать.

— Ярослав выломал дверь... — все-таки начала рассказывать она. — И он был не один. С ней... Со своей любовницей. Представляешь? И приказывал мне собирать вещи и вымываться. А она стояла рядом и улыбалась...

Я почувствовала, как всё во мне сжалось. От одной мысли, что он настолько переступил грань — не просто предал

меня, но и позволил этой женщине участвовать в унижении над моей сестрой — у меня перехватило дыхание.

Я спрятала покрасневшее от стыда за мужа лицо в ладонях. Неужели он действительно сделал это? Неужели опустил настолько, что *выгнал мою сестру из нашей квартиры ради своей любовницы?*

Я почувствовала, как по щекам начинают катиться слёзы, но это были уже не слёзы боли — это была ярость, такого масштаба, что ее было невозможно вместить в себя.

— Мерзавец, — процедила я сквозь зубы.

Я не знала, что именно я должна сделать дальше, но я знала одно: *этого я ему не прощу никогда.*

Внутри меня все переворачивалось. Всё, что ещё вчера казалось шатким, но всё же домом, сегодня окончательно рассыпалось в прах. С кристальной ясностью я понимала: это конец. Нет никакого «попробуем ещё раз», «потерпеть ради детей», «можно что-то исправить». Хватит.

Я вытерла ладонью щёки, глубоко вдохнула и тихо спросила:

— Лена, у тебя остался номер того слесаря, который тебе сегодня замок менял?

— Да. Где-то в телефоне записан. А что?

— Нам, похоже, придётся сегодня поменять ещё один замок, — сказала я и поднялась с дивана. Голос мой прозвучал на удивление ровно, хотя внутри бушевал ураган. — Я не хочу, чтобы он снова переступил порог этого дома.

Я вошла в нашу — нет, не просто нашу, а нашу бывшую спальню, и застыла у шкафа.

Его рубашки, костюмы, аккуратно сложенные галстуки, дорогие часы в коробках... всё это казалось мне теперь чужим, ненужным. Я открыла дверцу шкафа пошире, потянулась за вешалками и начала стаскивать их одну за другой и швырять на кровать.

С каждой вещью, падающей на постель, я будто сбрасывала с себя по кусочку той иллюзии, в которой жила столько лет. Вот — рубашка, в которой он однажды встречал меня в аэропорту. Вот — куртка, в которой он фотографировался с детьми на даче. Всё это больше не имело значения.

Я действовала почти механически, но внутри меня каждое движение отзывалось тяжёлым, злым удовлетворением: *пусть убирается отсюда со всем своим бараклом.*

Я уже открыла чемодан, чтобы начать укладывать, когда вдруг дверь спальни распахнулась.

— Что здесь происходит?

Я резко обернулась. Ярослав замер на пороге комнаты. Взгляд его был полон ярости.

— Что ты творишь? — он шагнул вперёд. — Это ещё что за цирк?

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, но руки мои не дрогнули. Я стояла у кровати, рядом с кучей его вещей, и смотрела на него прямо, не отводя взгляда.

— Собираю твои вещи, — ответила я спокойно. — Ты

здесь больше не живёшь.

Он замер, как будто не понял смысла моих слов.

А я вдруг ощутила странное спокойствие. Вся обида, что накопилась во мне, вылилось в одно простое действие: собрать его вещи и выставить его за дверь.

Глава 12

В глазах мужа кипела ярость. Раньше этот взгляд заставлял меня замирать, оправдываться, отступать. Но сейчас — нет. Больше не будет такого.

— Ты совсем с ума сошла? — рявкнул он, глядя на гору костюмов и рубашек. — Думаешь, у тебя есть право трогать мои вещи?

— У меня есть право, — сказала я твёрдо, сама поражаясь спокойствию своего голоса. — Я не намерена больше жить под одной крышей с предателем.

— Предателем? — переспросил он с презрительной усмешкой.

— Ты свой выбор сделал, когда привел ту дешевку в нашу квартиру, — я шагнула ближе, чтобы он видел — я не дрогну и не отступлю.

Его лицо перекосилось. Он резко взмахнул рукой, и на мгновение мне показалось, что он меня сейчас ударит.

— Как ты смеешь меня выгонять? — процедил он сквозь зубы.

— Я не собираюсь тебя выгонять. Ты уйдёшь сам. Ты же хочешь уйти к этой своей... Молодой, красивой.

— Ошибаешься, — резко перебил меня муж. — Я никуда уходить не собираюсь!

— Как это?

— Да вот так! Меня и так все устраивало. Мне и так было удобно!

Я не сразу поняла смысл этих слов. В голове эхом прокатилось: «удобно».

— Что?

Он пожал плечами, словно говорил о чём-то будничном:

— Меня всё устраивает. У меня есть семья: жена, дети. Дом — полная чаша. И есть она — для удовольствия. Зачем мне отказываться от чего-то одного, если я могу иметь всё и сразу?

Он сказал это так просто, так спокойно, без единой тени стыда или сомнения. Для него я была просто частью удобного фона, и он даже не планировал это скрывать.

— Ты... — слова застряли в горле, но я всё же выдавила:
— Ты собирался так и жить на два фронта?

Он ухмыльнулся, глядя на меня сверху вниз.

— А что? Разве плохо жилось? У тебя было всё. Квартира, деньги. Я не собирался тебя бросать. Ты бы даже и не заметила ничего, если бы не твоя сеструха...

Я ощутила, как во мне поднимается волна ярости. Он говорил так, будто это я разрушила семью, а не он. Будто моя вина была в том, что я увидела правду.

— Значит, по-твоему, я должна была жить в этой лжи?

— Хватит истерик! — рявкнул муж. — Нам, нормальным мужикам, такое нужно, понимаешь? Это бывает сплошь и рядом. Зачем же делать из этого трагедию?

Мы замерли друг напротив друга: он — высокий, мрачный, с сжатый кулаками; я — пытающаяся осознать, что бы-
ла нужна мужу только для того, чтобы его жизнь оставалась
«удобной».

— Убирайся... — прошептала я.

— Я никуда не уйду. Эта моя квартира!

— Она и моя тоже, — сказала я тихо, но твердо. — Моя
и детей.

— Ты не справишься без меня, — процедил он сквозь зу-
бы. — Дом, дети с их репетиторами, кружками и запросами
— ты думаешь, что вытянешь одна?

— Вытяну, — ответила я, вздернув подбородок. — Лучше
я буду одна тянуть эту лямку, чем останусь с тобой.

Ярослав прищурился и заговорил своим «деловым» то-
ном — тем самым, которым он общался с подчиненными:

— Ты правда думаешь, у тебя хватит сил тащить всё на
себе? Дети, школа, репетиторы, счета, дом, ремонт, продук-
ты... Кто оплатит всё это? Ты хочешь, чтобы дети жили в
нищете? — продолжал он, с каждым словом повышая голос.
— Ты вообще понимаешь, что без меня вы пропадёте? Я —
твой единственный шанс на нормальную жизнь. На будущее
детей. Если я уйду, всё развалится.

Сердце сжалось. Раньше я бы уже плакала, оправдыва-
лась, просила его не кричать. Но сейчас что-то внутри меня
перевернулось. Вместо страха я вдруг почувствовала стран-
ное спокойствие.

Я медленно выпрямилась и посмотрела прямо ему в глаза.

— Я не боюсь нищеты, Ярослав. Я боюсь другого — что мои дети будут смотреть на тебя и думать: «Вот каким должен быть мужчина». Я боюсь, что мой сын вырастет копией тебя, а моя дочь будет молча терпеть такого же мужа, как у неё мать. Вот этого я боюсь.

Я не думала заранее, что скажу так. Слова сами вырвались.

— И на что ты собралась жить, такая умная? — усмеялся муж. — На свою копеечную зарплату медсестрички? Ты без меня никто! Я всегда решал все проблемы, и я же за все платил!

— Я на свою зарплату проживу, а на детей ты будешь платить алименты...

Он рассмеялся мне в лицо.

— Алименты? — переспросил он издевательски. — Да чёрт с два ты их получишь! Я тебе ничего не дам! Ты ещё будешь у меня на коленях ползать, чтоб хоть копейку выбить.

Ярослав прищурился и шагнул ближе, нависая надо мной.

— Думаешь, ты меня так просто вычеркнешь? — прошипел он. — Думаешь, я позволю, чтобы какая-то истеричка решала за меня уходить мне или остаться? Я все сам решаю!

Я посмотрела прямо в его глаза. Мне было страшно, сердце колотилось в груди, но я не отступила.

— Ты уже решил, — сказала я. — Ты предал меня.

Я резко развернулась к шкафу, схватила его чемодан и

швырнула на кровать.

— Собирайся, — сказала я ледяным голосом. — Сейчас же.

— Да кто ты вообще такая, чтобы выгонять меня? Ты ничего без меня не стоишь, слышишь? Ни-че-го! — он уже начал на меня орать. — Ты жила всю жизнь на мои деньги! Даже эта тряпка на тебе куплена на мои кровные! — он ткнул в моё платье, почти толкнул.

— Хватит!

— Я тебе и детям всё дал, а ты только жалуешься! Без меня они останутся ни с чем, как и ты!

Тут в комнату вбежал сын. Щёки красные, глаза горят.

— Не смей так разговаривать с мамой! — выкрикнул он и встал прямо между нами, расправив плечи. — Не смей на неё орать!

Ярослав опешил, замолчал на секунду и посмотрел на сына так, будто перед ним оказался не подросток, а мужчина, готовый дать отпор.

— Отойди, — процедил он сквозь зубы. — Это не твоё дело.

— Моё! — крикнул сын, не двигаясь с места. — Она моя мама!

Сердце у меня сжалось и наполнилось болью и гордостью одновременно. Я боялась за сына — Ярослав в гневе был страшен. Но в то же время мне было радостно, что он за меня заступился.

Они застыли напротив друг друга. Я не знала, что делать: броситься заслонять ребёнка или вцепиться в мужа. В этот момент в комнату вошла Лена. Она взяла за руку племянника и потянула на себя, уводя из открытого конфликта,

Тут в коридоре хлопнула дверь, и я услышала торопливые шаги. Дочь вернулась. Она застыла в проёме, не сняв куртку, с рюкзаком за спиной, и смотрела на нас широко распахнутыми глазами. Видимо, она успела услышать крики, пока открывала дверь.

— Мам... пап... что тут происходит?..

Ярослав резко обернулся:

— Иди в комнату!

Она покачала головой и подошла ближе, встала рядом с братом. Теперь они стояли вдвоём, плечом к плечу, как маленькая стена между мной и мужем.

Ярослав сжал кулаки и загремел так, что стены задрожали:

— Вы все тут с ума посходили?! Ты, — ткнул пальцем в меня, — и вы, — в детей, — все против меня? Я, значит, один тут враг?

— Ты не имеешь права так с ней разговаривать, — сказал сын. — Хватит!

Ярослав застыл на секунду, будто не веря, что он осмелился перечить ему.

— Ты ещё мне указывать будешь?

— Достаточно! — отрезала я. — Ты орал на меня — я терпела. Но детям ты рот не заткнёшь. Всё. Это конец.

Глава 13

Ярослав слушал меня уже не столько со злостью, сколько с каким-то звериным бешенством на лице. Он шагнул ближе, и я почувствовала запах его одеколона, который когда-то так любила — но теперь он казался мне почти тошнотворным.

— Думаешь, сможешь вот так выгнать меня? Ошибаешься, — прошипел он. — Ты ещё миллион раз пожалеешь об этом. Поняла? — крикнул он, ударив кулаком по стене так, что я вздрогнула. — Приползёшь ко мне на коленях и будешь умолять, чтобы я вернулся!

— Никогда, — выдавила я, но мой тихий голос утонул в его криках.

— Никогда не говори «никогда», — бросил он мне в лицо. — Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь. Без меня ты никто. Всё равно приползёшь...

Он резко обернулся к шкафу, но вместо того чтобы начать собирать свои вещи, рванул дверцу так, что она едва не слетела с петель.

— Посмотрим еще, кто кого выгонит...

Потом развернулся и вышел из комнаты, с такой силой хлопнув дверью, что штукатурка вокруг дверной рамы осыпалась белыми хлопьями на пол.

Через минуту в квартире воцарилась долгожданная тишина. Я стояла, глядя на осыпавшиеся кусочки, и мне казалось,

что только что рухнул мой дом, вся моя жизнь.

Хотя на самом деле рухнула только иллюзия, в которой я жила.

Всё это время, пока мы с мужем ругались, я держалась — стиснув зубы, собрав остатки сил, но теперь, когда напряжение понемногу отпускало, меня вдруг повело. В глазах потемнело, сердце забилося как бешеное. Я почувствовала, что мне не хватает воздуха.

Качнулась и схватилась руками за стул. Всё вокруг плыло. Я, кажется, даже тихо вскрикнула, потому что Лена тут же бросилась ко мне, подхватила:

— Оля! Господи, сядь, ты же сейчас упадёшь!

Я попыталась сказать, что «нет, я в порядке», но вместо этого молча осела на кровать.

— Мам! Мам, что с тобой? — испугался сын.

Дочка тоже оказалась рядом. Лена трясла меня за плечи, что-то быстро говорила, но я не могла сосредоточиться. Голоса родных людей, столпившихся вокруг меня, доносились как сквозь толщу воды. Я только повторяла:

— Всё хорошо... всё хорошо... я сейчас...

Но это «сейчас» никак не наступало. У меня никак не получалось прийти в себя.

Лена сбегала на кухню, сунула мне в руки стакан с водой. Половина тут же пролилась на колени, потому что я не удержала. Сын, кажется, уже пребывал в панике:

— Может скорую? Тётя Лена, давайте вызовем скорую!

Я попробовала покачать головой, но от этого простого движения голова закружилась так сильно, что пришлось за-
ммуриться, иначе я бы точно упала бы на кровать.

— Нет... не надо... пройдёт, — прошептала я. — Всё хо-
рошо... всё будет хорошо...

Хотя сама прекрасно знала: ничего хорошего, наверное, в
моей жизни больше не будет.

Лена скомандовала детям:

— Так, быстрее! Принесите аптечку и мокрое полотенце!

Они засуетились, а я даже не успела возразить. Лена взяла
всё под свой контроль.

Через минуту к моему лицу поднесли ватный диск с рез-
ким, режущим запахом. В носу защипало, глаза заслезились.
Голова чуть прояснилась, но тело всё равно оставалось ват-
ным.

— Вот так, дыши! — командовала Лена.

Я поморщилась, оттолкнула её руку.

— Да хватит...

— Да ты чуть не грохнулась в обморок, — огрызнулась
она. — Сиди смирно.

Дочь вернулась с мокрым полотенцем и приложила его к
моей шее. Я вздрогнула от холода.

И потихоньку начала приходить в себя.

Когда перед глазами перестали расплываться темные пят-
на, я оглядела всех. Сын стоял с круглыми глазами, у дочери
дрожали губы. Мне стало невыносимо стыдно, что я вот так,

при них, почти рухнула. Ведь я же должна быть им опорой...

Я погладила сына по голове, дотронулась до руки дочери.

— Всё хорошо. Правда. Мы справимся.

— Мам, — осторожно начал сын, видя, что я пришла в себя. — А что у вас вообще тут случилось?

Я подняла на него глаза. Он уже совсем не маленький и вполне имеет право просить объяснений.

— Мы с твоим папой... поссорились, — сказала я тихо.

— Очень серьёзно.

В ответ дочь скрестила руки на груди, прищурилась:

— И из-за этого надо в обморок падать? Мы-то думали, что случилось что-то очень страшное...

— Для тебя, может, и ничего, — ответила я, — а для меня это вся жизнь...

Сын усмехнулся нервно, пожал плечами:

— Ну, поссорились и что? Все ссорятся. Чего такого?

Лена резко повернулась к ним:

— Эй, вы! У вас мать только что чуть в обморок не свалилась, а вы стоите и умничаете? Вам вообще в голову не приходит, что ей сейчас все еще плохо?

Дочь закатила глаза, но замолчала. Сын опустил взгляд и начал вертеть в руках телефон.

— Мам, ну серьёзно... — пробормотал он. — Мы не понимаем, что такого произошло?

— Что такого? — вскипела Лена. — Ваш отец нашел себе другую женщину — вот вам и что такого!

В комнате повисло молчание. Дети переглянулись, и в их взглядах я прочла и растерянность, и протест, и ещё что-то. Возможно, это было нежелание принимать сторону, потому что признать мою правду значило признать вину их отца.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь удержать слёзы.

— Лена, хватит, — прошептала я. — Они ещё дети.

— Шестнадцать и пятнадцать — это никакие уже не дети, — жёстко отрезала она. — И они должны знать правду, иначе отец будет кормить их своими сказками, и они поверят ему, а не тебе.

Я чувствовала на себе взгляды своих детей — прямые, настороженные, недоверчивые.

— Мам, — первым заговорил сын, — ну ты точно не... преувеличиваешь?

— Преувеличиваю? Как можно преувеличить то, что у него есть женщина?

Дочь тут же подхватила:

— Я не верю, что он... вот так.

— Послушайте меня, — сказала я твёрдо. — Я не собираюсь вам внушать ненависть к отцу. Это ваш папа, и он им навсегда останется. Но я не позволю вам думать, что я всё придумала. Он... — я глубоко вдохнула, — он сделал свой выбор. У него другая женщина. И это не преувеличение и не случайность, как бы вам или мне этого ни хотелось.

Они снова переглянулись между собой, пожали плечами — в их глазах мелькнула неуверенность. Неуверенность в

моих словах.

— Так, — снова вмешалась Лена, — я, конечно, всё понимаю. Вам хочется верить в лучшее. Но вы что, думаете, мать вам сказки рассказывает? Я была там. Я своими глазами видела.

Я сидела молча, благодарная сестре за эту прямоту, на которую сама не решилась бы. Потом встала:

— Пойду прилягу.

Мне все еще было нехорошо. Кроме того, мне не хотелось, чтобы они видели слезы, которые наворачивались у меня на глазах. Мне не хотелось, чтобы они видели меня такой — раздавленной, разбитой, растерянной.

Дети ничего не ответили. Только посмотрели на меня настороженно. Я пошла в спальню, закрыла за собой дверь и села на край кровати. Слезы уже текли, хотя я изо всех сил пыталась их сдержать.

Из-за стенки доносился голос Лены. Она осталась с детьми и говорила с ними прямо, без лишних сантиментов.

— Вы должны понять одно, — её голос звучал твёрдо. — Ваш отец сделал такие вещи, которые ваша мать не сможет простить. И ей сейчас тяжелее всего. А если вы будете еще говорить, что всё это ерунда — вы только добьёте её. Поняли?

— Поняли... — пробормотала дочь.

— Понял, — добавил сын.

Я лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и

чувствовала, что все глубже погружаюсь в пучину отчаяния. Мне оставалось только сказать себе — «я подумаю об этом завтра» — потому что только так у меня получилось бы заснуть.

Глава 14

Утром я проснулась разбитой — тело ломило, голова была тяжелой. Я даже не помнила, как заснула. Наверное, просто вырубилась от усталости.

Собиралась машинально, словно робот: натянула первую попавшуюся юбку, блузку, едва провела щёткой по волосам. В зеркале на меня смотрела какая-то чужая женщина с опухшими глазами и безжизненным взглядом. Я буквально заставила себя заниматься привычными бытовыми делами — накормить всех завтраком, собраться самой и проконтролировать сборы детей.

На работе всё шло своим чередом — привычная суета, тревожные пациенты и вечно уставшие коллеги. Я сделала себе кофе в ординаторской, взяла кружку в руки — и вдруг поняла, что от одного запаха меня мутит. Никогда в жизни мне не было противно кофе, но сейчас горький аромат ударил в нос, вызвав тошноту.

Я поставила кружку на стол, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. "Держись. Ты должна держаться". Но держаться становилось всё труднее.

Как жить дальше? Этот вопрос крутился в голове снова и снова. Я вырвала из блокнота чистый лист и достала ручку. Сколько можно гонять мысли по кругу — нужно хотя бы прикинуть цифры.

Я написала сверху: «Расходы». И по строчке начала выписывать.

Коммуналка за трёхкомнатную квартиру — немаленькая сумма, особенно зимой. Я прикинула цифру и скривилась. Дальше — продукты. В семье с подростками они уходят мешками, и никакой экономии тут не придумаешь. Репетиторы для сына. Курсы при университете для дочки. Оплата обучения, если сама не поступит. Спортивные секции. Танцы. Брекеты. Я вздохнула, вспомнив, как недавно врач говорил: *«Не откладывайте, потом будет хуже»*. Шестизначная сумма для оплаты стоматологу стояла у меня перед глазами. Потом дописала «одежда детям», «обувь», «проезд». Наконец, последним пунктом добавила мелким почерком — *«мои личные расходы»*.

Сумма нарастала, словно снежный ком, грозящий меня раздавить.

Во вторую колонку — доходы — я написала свою зарплату медсестры. По сравнению с расходами она выглядела как издёвка. Этой суммы от силы хватит на коммуналку и еду.

Мне не вытянуть одной, если Ярослав откажется помогать. А он уже отказался... Да, я могу, конечно, подать в суд, и обязательно это сделаю, но до судебного решения еще надо как-то дожить. И потом — будет ли Ярослав платить то, что ему назначат, или станет изворачиваться?

Мне всегда казалось, что уж детей муж точно никогда не бросит, но после нашего вчерашнего разговора закрались

большие сомнения.

Я сжала бумажку с расчётами, скомкала её в кулак и уставилась в окно ординаторской. Там, за стеклом, было серое утро, такое же безрадостное, как и мои подсчёты. В горле стоял ком — то ли от кофе, то ли от отчаяния.

В памяти всплыл утренний разговор с Леной. Мы ехали вдвоём в битком набитой людьми электричке, и вагоны грохотали так громко, что приходилось почти кричать друг другу в ухо.

— Оля, — сказала Лена прямо. — Тебе надо отсудить у него одну из машин...

— Машину? — я даже растерялась. — Да я и водить-то не умею...

— Вот именно, что пора научиться. Он разъезжает на двух машинах, а ты толкаешься в электричке. Несправедливо.

Я усмехнулась горько:

— Думаешь, он просто так согласится отдать?

— Не согласится, конечно. Но у тебя есть полное право требовать. Ты мать его детей. И ты имеешь право хотя бы на один ресурс, который облегчит тебе жизнь.

Я долго молчала, уставившись в мутное стекло вагона, где отражалось моё уставшее лицо. Лена вздохнула и добавила:

— Оля, хватит быть удобной. Сядешь за руль — увидишь, что и жить станет легче. Не будешь зависеть ни от него, ни от расписания электричек.

Теперь, сидя на работе и глядя на жалкие цифры в своих

расчётах, я поняла, что Лена совершенно права. Я должна выучиться на права, сесть за руль, отсудить у него машину. И пусть он захлебнётся своей наглой уверенностью в том, что я ни с чем не справлюсь.

Я взяла телефон и набрала в поиске: «автошкола», зашла на первый попавшийся сайт, чтобы хотя бы понимать, на какую цену нужно рассчитывать. Сразу стало ясно одно: это ещё один расход, который в мои расчёты просто не помещается.

Я прикусила губу. «И что, Оля? — подумала про себя. — Опять отмахнёшься, скажешь себе: не время, не смогу, денег нет? А когда будет время? Когда он окончательно затопчет тебя?»

Я представила, как сама сажусь за руль. Утро, дети рядом, не нужно ни электричек, ни маршруток, ни зависимости от чужого графика. Свобода.

Я нажала на кнопку «оставить заявку», заполнила имя, телефон. Казалось, что это какой-то шаг в пропасть. Но вместе с тем — шаг в мою новую жизнь.

Едва я успела положить телефон на стол, как в кабинет просунулась голова старшей медсестры:

— Оль, главный зовёт. Срочно.

Я поспешно скомкала листок с расчетами. В голове крутились цифры. Они же стояли за моей спиной, когда я зашла в кабинет.

Начальник даже не поднял головы от бумаг:

— Надо подготовить отчёт к обеду. Возьмёшься?

— Конечно, — ответила я автоматически.

Уже хотела выйти, но вдруг остановилась. Я понимала — если сейчас не скажу, потом будет ещё труднее.

— Можно вопрос?

— Что такое?

— Я хотела поговорить... о зарплате.

Я почувствовала, как ладони вспотели, но продолжила:

— Обязанностей стало больше. Я остаюсь после работы, беру на себя отчёты, которые раньше вела Светлана. Хотелось бы обсудить возможность повышения.

Главврач слегка откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди:

— Ольга, вы же знаете, какие у нас времена. Денег лишних нет. Всем тяжело. Держимся, как можем.

Я кивнула — слишком знакомая песня. Но сегодня я не могла позволить себе отступить.

— Понимаю. Но объём работы вырос значительно.

Он хмыкнул, взглянув на меня чуть свысока:

— Да у нас каждая в отделе так скажет.

— Возможно. Но отчёты всегда в срок сдаю именно я. Я не прошу чего-то невозможного. Я прошу справедливости.

Я даже удивилась, как твёрдо прозвучали эти слова. Врач чуть приподнял брови, будто не ожидал такого тона.

— Вы, Ольга, характер показываете... — произнёс он медленно. — Ладно, подумаяю. Но обещать ничего не могу.

— Спасибо. Жду вашего решения.

Это была моя — пусть совсем маленькая, но победа.

Раньше я могла позволить себе быть удобной. Работать здесь, потому что близко к дому, потому что график спокойный, потому что Ярослав всё равно зарабатывал достаточно. Моя зарплата была приятным дополнением. Я знала, что муж закроет все крупные расходы семьи.

А теперь? Теперь эта жизнь закончилась. Если я не вытяну — никто не вытянет за меня. Рассчитывать больше не на кого. Больше не будет иллюзии, что за моей спиной стена.

И я больше никогда не позволю себе впасть в зависимость от кого-то. Не от Ярослава, не от любого другого мужчины, не от случайных обстоятельств. Я не позволю никому решать за меня, что у меня будет и чего не будет. Я сама возьму и сделаю.

Прав нет — ничего, получу. Машины нет — отсужу по закону. Зарплаты недостаточно — значит, буду искать выход.

Я снова взяла телефон. Надо смотреть правде в глаза — не стоит рассчитывать на прибавку. Нужно искать что-то другое. Я включила поиск вакансий — впервые за долгие годы. А если я возьмусь за две, за три работы сразу, получится ли вытянуть всё?

И тут телефон завибрировал на столе. На экране высветилось имя: Роман.

Он звонил мне сам впервые за несколько лет.

Глава 15

Я долго смотрела на мигающий экран телефона, не решаясь ответить. Но мысль о том, что игнорировать давнего друга попросту неприлично, все-таки победила. Я глубоко вдохнула и подняла трубку.

— Оля, привет... Как ты? — он тепло поприветствовал меня.

— Нормально... Работаю.

— А настроение как?

— Настроение? — я нервно усмехнулась. — Ну... как тебе сказать... Держусь.

— Я хотел узнать, как у вас дома дела? Как ты сама? И... с Ярославом как?

— С Ярославом? Да никак, — ответила коротко.

— Никак? — переспросил Роман. — То есть... вы всё-таки... поссорились?

— Поссорились — это мягко сказано.

— А ты знаешь, где он сейчас находится?

— Нет... А что?

— Он снова исчез, — сказал Рома раздраженно. — Утром заехал в офис и сразу же свалил. У меня так и не получилось с ним встретиться. Телефон сбрасывает или вообще не берёт. Я думал, может, он дома или с тобой.

— Нет, в последний раз я его вчера вечером видела...

Я зажмурилась, потому что перед глазами всплыло его перекошенное злостью лицо. А Рома словно все это невысказанное смог прочесть в моем тоне.

— Оля... Скажи честно. У вас всё совсем плохо?

— А ты разве не видишь? — прошептала я. — Ты ведь всё видишь. Лучше меня.

Воцарилось молчание, и в этой паузе я почти физически ощутила, как он там, на другом конце, старается подобрать слова, которые не сделают мне ещё больнее.

— Слушай... — он замялся. — Я не хотел бы влезать. Но я волнуюсь за тебя. И... если честно, я не узнаю Ярослава. Он совсем другой стал.

Я кивнула, соглашаясь, хотя Рома и не мог меня увидеть.

— Мне все изменились, — тихо добавила. — Все...

Я вдруг почувствовала, что ещё мгновение — и я расплачусь прямо в трубку. Поэтому стиснула зубы и замолчала.

— Оля... А давай мы с тобой увидимся, а? Сегодня, — выпалил вдруг Роман.

— Увидимся? — переспросила я глухо.

— Да. Просто поговорим. Не по телефону. Я знаю, что тебе тяжело, и... мне бы хотелось тебя поддержать. Я могу заехать за тобой.

Я нервно посмотрела на часы. В голове сразу закрутился вихрь — у меня на сегодня запланировано еще куча нерешённых дел. И вместе с тем — меня накрыло острое, невыносимое желание сесть и просто спокойно поговорить с кем-

то, кто сможет выслушать и не осудить.

Но от его предложения мне почему-то стало не по себе. С чего вдруг? Почему именно сейчас? Что стоит за этим его внезапным вниманием? Или я уже настолько насторожена, что в каждом шаге вижу скрытый смысл?

— Я... даже не знаю, — начала я неуверенно, подбирая слова, которые не прозвучали бы грубо. — Ты меня немного застал врасплох.

И тут внутри ожила другая мысль, тяжёлая, вязкая. Должна ли я рассказать ему об обнаруженных мною документах? По-человечески, наверное, должна. Но язык не поворачивается. То ли боюсь его реакции, то ли боюсь последствий для... Для кого? Для Ярослава, который совершенно не побоялся обидеть меня?

А если я вообще ошибаюсь и в бумагах не было ничего незаконного? Я же совершенно не разбираюсь в этом во всем.

— Роман, я... не уверена, что это хорошая идея, — произнесла наконец. — Правда, я сейчас очень занята. Много дел навалилось. Думаю, нам лучше пока не встречаться. Может, когда-нибудь потом...

Тишина на другом конце провода затянулась.

— Как скажешь, — наконец произнёс он коротко, но в его голосе сквозило явное разочарование.

Потом я еще долго сидела с телефоном в руке, хотя звонок уже оборвался. В груди разливалось странное чувство —

вроде бы облегчение, что сохранила дистанцию, и одновременно горькая пустота.

На миг мне невыносимо сильно захотелось перезвонить ему и согласиться. Захотелось снова увидеть его. В голове всплыли фрагменты прошлого. Казалось, всё это так близко, стоит лишь протянуть руку...

И тут же — резкая остановка. Я будто встряхнула себя. О чём я думаю? Как могу вообще позволять себе сейчас такие мысли? Я только что пережила трагедию, тяжёлую личную драму, из которой ещё даже не начала выбираться. Разве правильно искать утешения в чужом человеке, когда у самой всё рушится?

Совесь, и без того беспокойная, кольнула особенно остро.

Я резко встала, будто физическим движением хотела заглушить внутренние колебания. Телефон убрала подальше. Нужно было переключиться — подумать о делах, искать работу, а не витать в пустых воспоминаниях, которые только бередят душу.

Обратная дорога всегда казалась длиннее, чем утренний путь, особенно в этой вечно гремящей и дрожащей электричке с невыносимо спертым воздухом. Мы с Леной вместе повисли на поручнях.

Тут-то я все ей и выложила. Про звонок Романа, про то, как он осторожно расспрашивал, как я держусь, и как предложил мне встретиться. Про то, как я отказалась, потому что

посчитала это странным, ненужным, слишком двусмысленным. И про то, как после этого весь день не могла выбросить его голос из головы.

Лена выслушала и, ни секунды не раздумывая, выдала:

— Ну ты и дурочка.

— Спасибо за поддержку, — буркнула я, но сестра уже разошлась.

— Нет, серьёзно... Мужик проявляет заботу, а ты ему от ворот поворот?

— У меня сейчас такая ситуация, что совсем не до... встреч. Всё рушится, я еле держусь...

— Ну так он и предлагает тебя поддержать! А ты просто ищешь повод всё усложнить. Эх, сейчас бы ехала с комфортом на машине, а не в электричке тряслась...

— Лена, у меня совесть неспокойна, я же... — я замялась, потому что не хотела прямо при всех пассажирах рассказывать про обнаруженные мною махинации Ярослава, но Лена перебила на лету.

— Правда в том, что тебе с ним хорошо. И ты не обязана сразу в омут с головой, никто тебя замуж не тащит. Просто сходи, развейся...

— Лена, да ты что! Вот это самое, на что ты сейчас намекаешь, это совершенно исключено! Роман... он же друг Ярослава. Как ты себе это представляешь?

— А что тут такого? Ты встретишься с человеком, который хочет тебя поддержать, это что, уже страшное преступ-

ление?

Я замотала головой.

— Нет, я так не могу. Роман для меня всегда был другом семьи. Это неправильно.

— Неправильно — это когда муж ведёт себя как кобель и при этом орёт на жену, что она «ещё приползет к нему на коленях», — отрезала Лена. — Вот это верх несправедливости. А встретиться с Романом? Это не только правильно, это ещё и шикарная месть.

— Месь? Да я не хочу мстить, я хочу... выжить.

— Просто представь, — Лена мечтательно зажмурилась. — Представь лицо Ярослава, когда он узнает, что его начальник вдруг решил приударить за тобой. Вот где у него всё внутри перевернётся...

Я прикусила губу, потому что картина и правда была слишком живой. Ярослав, злой, растерянный, с вытаращенными глазами... Но я тут же отогнала эту мысль, словно она была опасным искушением.

— Нет, я не буду использовать Романа, чтобы досадить мужу.

— А кто сказал «использовать»? — сестра закатила глаза. — Может, он и сам не против. Может, он вообще мечтает о тебе уже сто лет. Я видела, как он на тебя смотрит...

— Перестань, — я отмахнулась. — Ты придумываешь. Это невозможно.

Лена ухмыльнулась:

— Ты можешь сидеть и дальше твердить «это невозможно». А я, как умная сестра, заранее предсказываю: вы всё равно встретитесь. Потому что жизнь, как электричка — трясёт, заносит и довозит туда, куда ты меньше всего планировала.

Я слушала Лену, и вроде пыталась спорить, но чем дальше она заводилась, тем сильнее я ощущала, что внутри меня нарастает какое-то странное давление. Сначала это была мелкая дрожь где-то в руках, потом — слабость в коленях. Я ухватилась за край сиденья.

— Ты меня вообще слышишь? — Лена нагнулась ко мне, всматриваясь в лицо.

А я уже не слышала. Стук вагонных колёс заглушил всё остальное. Мир начал расплываться. Я попыталась вдохнуть глубже — и вдруг поняла, что воздуха не хватает. Перед глазами будто сгустился туман. Я хотела сказать Лене: «Что-то не так...» — но язык не повернулся, губы онемели.

Следующее мгновение — и я ощутила, как земля уходит из-под ног. Нет, не земля — пол электрички. Сначала я ухватилась за спинку сиденья, но пальцы соскользнули, и я рухнула куда-то в сторону, не удержав равновесия.

Глава 16

Очнулась я уже на перроне. Как меня вывели из вагона, я не помнила, но на свежем воздухе мне действительно сразу стало полегче.

Я открыла глаза — и увидела над собой лицо Лены, испуганное, бледное. Мы с ней обе были в шоке. Я — от того, что со мной произошло, она — от того, что это произошло на ее глазах.

— Оля, ты что творишь? Ты меня доведёшь до инфаркта! — она держала меня за руку, и я чувствовала, что ладонь у неё дрожит.

— Я в порядке... — выдохнула я наконец. — Просто... давление...

— Ты меня так больше не пугай...

Я снова прикрыла глаза. К нам периодически подходил кто-то из пассажиров, стоящих на перроне — кто-то предлагал воды, кто-то советовал вызвать скорую.

— Господи... — Лена нервно провела ладонью по лицу. — У меня сердце чуть не выскочило. Ты стоишь такая, вроде как нормально, и вдруг... хрясь! И всё! Я тебя торможу, а ты как тряпка. Я думаю, ну всё, приехали.

— Лена... я даже не поняла, как это случилось...

— А я поняла, — отрезала она. — Это всё твой Ярослав! Сволочь этакая. Это он тебя до такого состояния довёл.

Лена снова крепче сжала мою руку.

— Слушай, а может все-таки скорую?

Я отрицательно покачала головой.

— Эх, говорила же тебе, что надо было на предложение Романа соглашаться, — пробурчала Лена. Мы медленно спустились с перрона и вышли к дороге, где и встали, в ожидании такси. Она всё ещё держала меня под руку, как будто боялась, что я опять упаду.

— Не начинай...

— Да я и не начинаю. Так, скажи мне честно... У тебя раньше такое бывало?

— Что — такое?

— Ну... чтобы тебя вот так выключало. На ровном месте.

— Да вроде нет, — покачала я головой. — Не припомню что-то...

Она всмотрелась в меня пристально.

— Ты уверена?

— Ну да...

На самом деле никакой уверенности у меня не было. Я вообще не могла сейчас спокойно рассуждать, потому что меня вдруг охватил липкий страх. А вдруг это что-то страшное? Болезнь, о которой я еще не подозреваю? Ещё одна беда, как будто мне мало того, что уже произошло в моей жизни?

Я обхватила руками живот, чтобы хоть как-то сдержать дрожь.

— Лен, мне страшно, — прошептала я. — Вдруг это что-

то серьёзное? Вдруг... я больна?

— Да что ты говоришь! — испуганно затараторила сестра. — Это от нервов, вот и всё. Думаешь, твоя психика — железная?

Мы поймали такси, и я буквально рухнула на сиденье, чувствуя, как меня всё ещё ведёт.

— Я ж чуть поседела, — тихонечко причитала Лена. — Люди вокруг в панике, я сама в панике, а ты валяешься бледная, как простыня. Знаешь, сколько у меня седых волос прибавилось?

Я вздохнула, не открывая глаз.

— Извини, я не хотела тебя напугать...

— Вон решишь все с Ярославом окончательно — и никаких обмороков больше не будет.

Я невольно усмехнулась.

— Ты думаешь, всё так просто?

— Конечно. Ты только представь: живёшь спокойно, без этого гада. И сразу у тебя давление нормализуется...

Но едва я переступила порог квартиры, как на меня обрушился хаос, царящий в доме.

В коридоре мне встретилась дочь. Волосы у неё были выпрямлены утюжком до мёртвого блеска, губы намазаны блеском, глаза чёрные от туши. Юбка — настолько короткая, что я на автомате одёрнула её вниз.

— Ты куда собираешься? — спросила я как можно строже.

— Гулять.

— В таком виде? Ты... ты вообще в зеркало себя видела? Она закатила глаза.

— Мам, не начинай.

Я запнулась. Раньше в таких случаях всегда вмешивался Ярослав. Громкий окрик, приказной тон, и дочь, как ни странно, слушалась, хоть и скрипя зубами. А теперь — рядом нет никого, кто может ее остановить. Никого, кроме меня.

Пока я раздумывала, Рита выбежала в подъезд и хлопнула дверью.

— Только не долго! — крикнула я ей в след.

Потом прошла к комнате сына. Он, ожидаемо, сидел в наушниках, ссутулившись перед монитором.

— Ты уроки сделал? — спросила я, но он даже не повернул головы.

— Потом, мам, — отмахнулся. — Тут нельзя выйти, мы командой играем!

— Ты сколько часов уже... — и замолчала. Он бы всё равно меня не услышал.

Я прислонилась к стене. Как тут может голова не пойти кругом? Дочь ушла гулять, размалёванная, как взрослая женщина, хотя ещё вчера казалась совсем ребёнком. Сын живёт в виртуальном мире. А я... я одна. Совсем одна.

А Лена тем временем успела переодеться в домашнее и подошла ко мне.

— Я бы, конечно, предложила тебе выпить, но ты, я вижу, и так еле живая. Так что давай хоть чаю бахнем. Я видела у тебя в шкафчике какие-то травы. Ромашка, Melissa или ещё какая-то ботва, которая должна, по идее, делать людей спокойнее.

Я пошла на кухню и включила чайник. Потом, сделав первый глоток и почувствовав, как по груди разливается тепло, поняла, что хочу поделиться с сестрой тем, что меня так сильно тревожит. Но вставить хоть слово в ее монолог оказалось не так просто.

— Ты знаешь, я тут подумала и решила, что все-таки надо нам с тобой поехать к врачу, — заявила Лена. — И никаких «потом» и никаких «я подумаю»! Завтра же пойдем по списку — анализы, ЭКГ, что там еще нужно... Если что-то у тебя найдут — поверь, мы разберёмся. Если всё в порядке — значит, это нервишки, и мы будем их лечить шоколадом и шопингом. Ты поняла меня?

Я кивнула.

— И ещё... Когда ты пойдешь на курсы вождения? Машина — это будет твоя маленькая месть...

— Лен... — перебила я сестру. — Я тут нашла кое-какие бумаги у Ярослава. Я не уверена... может, я неправильно поняла. Я же не специалист. Я и глянула-то мельком, но у меня, знаешь, такое чувство, будто там всё... не сходится.

— Что именно не сходится? — переспросила она.

— Может, я ошибаюсь, конечно, — я нервно облизала гу-

бы. — Я в этом ничего не понимаю.

Выслушав меня, Лена возмутилась.

— Хочешь сказать, что он ворует? Ворует из кассы своей фирмы?

— Я не уверена...

— Так... И где эти бумаги? Тащи, посмотрим вместе!

Мы почти одновременно поднялись и поспешили к кабинету. Но как только я толкнула дверь, мы обе застыли на пороге.

Кабинет был пуст. Совсем. На еще недавно доверху наполненных документами полках сейчас зияла абсолютная пустота.

— Он всё вынес, — пробормотала я. — Значит, там действительно что-то нечисто...

— Вот именно! — подхватила Лена. — Он замечает следы. Теперь ты понимаешь, с кем имеешь дело?

Я кивнула.

— Кажется, начинаю понимать...

— Об этом нужно срочно рассказать Роману, — заявила сестра. — Это единственный выход. И откладывать нельзя ни минуты.

Глава 17

Как подкошенная, я рухнула на диван. Лена сама принесла мне телефон и всучила в руки — звони, мол, и всё тут, нечего тянуть. А мне было странно звонить ему сейчас и самой звать его куда-то — ведь несколько часов назад я отклонила его приглашение. Это будет выглядеть так, словно я затеяла какую-то игру. Что он подумает обо мне? Почему сначала отталкиваю, а потом сама ищу встречи?

— Привет, это... снова я, — выдохнула, когда Рома снял трубку: — Ольга...

— Я понял... — он усмехнулся. — У меня же записан твой телефон. Честно, не ожидал, что ты позвонишь...

— Рома, нам нужно... увидеться. Сегодня. Сейчас. Это очень важно. Я понимаю, что днем сказала совсем другое, но... У меня появилась очень важная причина.

На том конце провода на какое-то время воцарилась тишина.

— Ты даже не представляешь, как я рад это слышать, — наконец ответил Роман. — Я еду. Жди.

— Ну вот, — торжествующе сказала Лена, забирая у меня телефон и откладывая его в сторону. — Первое правильное решение за последние три дня! Романтическое свидание с обманутым начальником Ярослава...

— Это не свидание, — я возразила возмущенно, — это...

разговор. Серьёзный разговор.

— Ага, «разговор». Ты знаешь, как у мужчин мозг устроен? Любая «серьёзная беседа» — это шанс.

— Ты с ума сошла? При чём тут вообще это...

— При том, — перебила она и ткнула пальцем в моё отражение в зеркале на стене, — что тебе для приличия надо хотя бы накраситься.

— Но я не собираюсь ему нравиться!

Лена хитро прищурилась:

— А я и не про «нравиться». Я про то, что, когда женщина выглядит хорошо, у неё и спина ровнее, и голос увереннее, и мужчины, знаешь ли, это считают без слов. Ты же хочешь, чтобы он тебя воспринял всерьёз?

Я замолчала, понимая, что она по-своему права. Но признаться в этом — значит дать ей лишний повод для подколов.

— Я так устала, — пробормотала я. — Мне совсем не до твоих косметических экспериментов...

— Значит, так. Мне нужно двадцать минут, и я сделаю из тебя женщину, которая сразит наповал. Потому что, если ты пойдёшь в том виде, в котором сидишь сейчас, твой Роман решит, что у тебя не «разговор серьёзный», а серьёзный нервный срыв. И, кстати, будет прав. Так что выбирай.

Я закатила глаза.

— Господи, ну и сестра мне досталась...

— Самая лучшая, — гордо ответила Лена. — Так что марш за мной, будем превращать тебя в роковую женщину.

Лена втащила меня в комнату и усадила перед зеркалом, будто я не старшая сестра, а школьница, которую собирают на выпускной. А сама тут же принялась рыться в своей косметичке. И откуда у неё взялось столько баночек и тюбиков? У меня за двадцать лет брака не накопилось и десятой части того, что она разложила передо мной.

— Лена, — начала я умоляюще, — ну правда, не надо. Мы будем говорить про Ярослава, про бумаги... Зачем красная помада, зачем накладные ресницы? Это глупо.

— Тсс! — шикнула она.

Я посмотрела на своё отражение. Под глазами — тени, на лбу наметилась морщинка, волосы растрёпанные. Вид уставшей женщины, которой самое место рядом с кастрюлями и тряпками. Лена наносила тон, пудру, потом подкрашивала мне глаза. Я пыталась сопротивляться, но внутри уже разгоралось странное ощущение — будто я возвращалась к себе прежней. К той женщине, которая когда-то могла позволить себе красивое платье, духи, внимание мужчин... а не только заботы и вечные авоськи с продуктами.

— Чуть-чуть румян, — бормотала Лена. — Вот, уже не бледная моль, а почти майская роза. Смотри, — она подвинула зеркало ближе.

Я посмотрела. И едва узнала себя. Нет, это была всё та же женщина с усталым взглядом, но теперь — с ровным тоном кожи, выразительными глазами и чуть подчеркнутыми губами.

— Ну вот, другое дело, — удовлетворённо сказала Лена.
— А теперь волосы.

Она схватила расчёску и принялась что-то мастерить. Я уже не спорила, сидела тихо. Потому что где-то в глубине души я понимала: я и правда хочу, чтобы Роман увидел меня не разбитой и замученной, а... привлекательной женщиной, какой я все еще могу быть.

— Ну вот, всё готово, — сказала Лена, отступая на шаг.
— Встречать можно кого угодно, хоть премьер-министра.

Я посмотрела в зеркало ещё раз и даже улыбнулась.

— Я совсем забыла, что могу так выглядеть...

— Вот и отлично, — Лена хлопнула меня по плечу. — А теперь давай подберем тебе нормальную одежду. И не вздумай ныть, что «это не свидание». Ты обязана держать лицо.

— Лен... — я устало потёрла лоб. — Я не знаю, правильно ли мы поступаем. Всё это так... неожиданно. Я и правда плохо себя чувствую, а теперь ещё эта встреча...

— Вот именно! — перебила она. — Если тебе плохо, надо, чтобы рядом был мужчина. Желательно нормальный, не такой, как твой этот... ну, ты поняла.

Уже стоя на пороге мне снова захотелось всё отменить: смыть косметику, переодеться в старую пижаму, накрыться одеялом с головой и хорошенько проплакаться. Все-таки меня на днях бросил муж — кажется, я имею на это полное право!

Но Лена не дала мне отступить. Пришлось выйти на ули-

цу.

А там уже сгущались сумерки. Воздух был прохладный, свежий, и это чуть-чуть привело меня в чувство, придало бодрости и сил. У тротуара уже была припаркована машина Романа. Он стоял, облокотившись на капот, и ждал меня. Когда я подошла ближе, он распахнул передо мной переднюю дверцу и произнес с нескрываемым восхищением:

— Ты выглядишь потрясающее!... Нет, ты всегда выглядишь потрясающе, но сегодня... Ты превзошла саму себя!

Я устроилась на сиденье. В голове вихрем крутились мысли: зачем я согласилась? как теперь начать нужный разговор? надо ли вообще сразу выкладывать всё про бумаги?

Несколько минут мы ехали молча. Я уставилась в окно, следила за фонарями и силуэтами домов, и только краем глаза ощущала его взгляд.

— Ты очень бледная, — нарушил он тишину. — Всё в порядке?

— Просто немного устала, — выдавила я.

Он кивнул, но по глазам было видно — не верит.

— Ладно, — сказал он тихо. — Тогда нужно хорошенько поужинать. А остальное обсудим позже.

Когда машина плавно свернула на парковку возле ресторана, подсвеченного яркими огнями и с блестящими дверями, у меня внутри всё похолодело.

— Ты шутишь? — выдохнула я, когда увидела вывеску. Название мне было знакомо: про этот ресторан писали жур-

налы, в нём отмечали свадьбы, юбилеи и заключали сделки на миллионы.

Рома остановил машину и повернулся ко мне.

— Нет. Не шучу. Мы ведь оба заслужили нормально поужинать, правда?

Когда мы вошли внутрь, я почувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Огромные люстры сверкали золотом, бокалы на столах отражали мягкий свет свечей, отовсюду доносился приглушённый звон посуды и негромкий смех. Воздух был пропитан ароматом дорогих духов и свежих цветов. Официант с идеальной осанкой, в белоснежной рубашке, словно ждал именно нас.

Подводя меня к столику, Роман чуть прикоснулся рукой к моей спине, направляя меня. В его жесте не было ничего предосудительного, но я почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Я смотрела на белоснежную скатерть, на изящно расставленные приборы, и внутри меня всё переворачивалось. *Боже, а вдруг он подумал, что это свидание?* — промелькнула у меня в голове запоздалая догадка. Мне стало не по себе. Я ведь ехала к нему, чтобы поговорить о серьёзных вещах, которые могут разрушить его бизнес, а оказалась в каком-то романтическом антураже.

— Ром, — я старалась не смотреть ему в глаза — уж очень смущал меня его пристальный взгляд, который он не сводил с меня. — Ты, наверное, неправильно меня понял...

— Я всё правильно понял, — тихо сказал он. — Тебе не нужно ничего объяснять, поверь мне. Я всё, абсолютно всё понимаю...

И в этот момент он потянулся ко мне и нежно накрыл мою руку своей теплой ладонью.

Глава 18

Всё окружающее нас пространство сжалось до этой точки — его пальцы на моей коже. Я вздрогнула, инстинктивно хотела отдёргнуть руку, но не смогла: это выглядело бы слишком грубо.

— Я всё понимаю, Оля, — повторил он тихо, глядя на меня своим пронзительным взглядом. — Потому что я чувствую то же самое, что и ты...

— Неужели? — удивилась я. У меня было слишком много сомнений, что Рома в силах понять хотя бы на доли процентов мои чувства.

Я открыла рот, собираясь ему возразить, но в тот же миг он чуть наклонился. Я почувствовала, как его тёплое дыхание опалило мою кожу, и прежде, чем успела понять, что вообще сейчас происходит, его губы легко, почти невесомо коснулись моих пальцев.

Я застыла, не в силах пошевелиться. А Рома чуть сильнее сжал мою ладонь.

Казалось, что ресторан исчез — эти свечи, нарядные гости, столики. Остался только он и это прикосновение, от которого внутри всё перевернулось. Я с ужасом поняла, что не могу понять, что именно я сейчас чувствую: шок, протест, или... желание позволить ему продолжить?

— Понимаешь, Оля... я очень давно... — он замялся, сде-

лал паузу. — Я очень давно... Испытываю к тебе определенные чувства.

Я едва не выронила бокал.

— Да, — сказал он твердо, и в его глазах не мелькнуло ни тени сомнения. — С того самого дня, когда впервые встретил тебя. Я не смел даже думать, что когда-нибудь смогу сказать это вслух. Это было... неправильно. У вас семья, дети. А я... Я не из тех, кто разрушает семьи. Тем более семью близкого друга.

Я отдернула руку, словно обожглась.

— Рома, перестань, — сорвалось у меня. — Ты... что такое вообще говоришь?

Он продолжал, будто не слышал моих слов или не хотел слышать:

— Я всегда думал, что ты счастлива с ним. Поэтому держал всё в себе и, клянусь, молчал бы до конца своих дней...

— Пожалуйста, не надо, — выдохнула я.

— Оля... — он наклонился ко мне ближе. — Я больше не могу молчать. Я молчал слишком долго.

Я сидела, не зная куда деть глаза, и нервно теребила салфетку.

— Мне кажется, это слишком...

— Разве? — он чуть склонил голову, пристально глядя в меня. — Разве это слишком — сказать о том, как ты ценишь человека, как ты всегда им восхищался?

Я резко отвела взгляд, чувствуя, как щеки заливают жар.

— Ты... ты не должен мне этого говорить, — попросила я, и голос дрогнул. — Мы же... мы всегда были друзьями. Ты — друг моего мужа!

— Бывшего, — мягко поправил он. — Почти бывшего, если быть точным. Разве вы не расстались?

— Вот именно! Я только что пережила... — я запнулась, — слишком многое...

— Я понимаю. И именно поэтому и говорю все это.

Я больше не знала, что сказать. Его голос, такой мягкий и тягучий, будто специально созданный, чтобы затуманивать голову. Но меня уже мутило — не от его признаний, а физически. Тошнота подступала всё ближе к горлу. Я сделала глоток воды, надеясь, что станет легче, но холодная жидкость только усилила неприятное ощущение.

— Знаешь, я хочу сказать тебе то, что словами... просто невозможно выразить, — продолжил тем временем Роман. — Какие бы я ни подбирал — они все звучат слишком бедно, слишком плоско. Поэтому... позволь мне сказать это без слов.

Я подняла на него взгляд, не понимая, что он имеет в виду. И в этот момент к нашему столику подошёл официант с огромным букетом алых роз — таких ароматных, что у меня закружилась голова от одного вдоха. Цветы поставили прямо передо мной. Мне начало казаться, что я задыхаюсь.

И тут певец, до этого сидевший с гитарой у сцены, подошел прямо к нашему столику и протянул первые слова из-

вестной, набившей оскомину, песни: «Ах, *какая женщина, мне б такую...*»

Я застыла, не веря, что всё это происходит на самом деле. Люди за соседними столиками оборачивались, кто-то улыбался, кто-то с интересом наблюдал за сценой. А Роман, будто в подтверждение своего намерения, снова потянулся к моей руке и коснулся ее губами.

И в этот момент меня буквально скрутило. Волна тошноты накатила с такой силой, что я уже не могла ни сдержать её, ни скрыть.

— Нет... — выдохнула я, резко выдернула руку и вскочила на ноги.

Я успела увидеть его ошеломлённый взгляд, но у меня не было ни сил, ни времени, чтобы что-то объяснять или хотя бы просто извиниться.

Я выскочила на улицу, и воздух ударил в лицо. Холодный, резкий, спасительный. Я остановилась, хватая ртом воздух, и прижимала ладонь к губам, словно это могло остановить тошноту. Потом сделала еще несколько шагов, скрылась за углом, где меня сразу же вырвало. И все это на фоне доносящейся из зала песни.

Но больше всего я боялась, что Рома выйдет за мной следом и обнаружит в этом унижительном и беспомощном положении. Поэтому, едва отдышавшись, я поспешила уйти. От одной только мысли, что придётся посмотреть ему в глаза после своего позорного бегства, у меня снова скручивало

живот.

Я шла быстро, почти бегом, и только спустя несколько кварталов позволила себе чуть замедлиться. Воздух ночного города был влажным, прохладным, и я вдыхала его жадно, словно не могла надышаться после долгого удушья.

Теперь я хорошо понимала, что дело вовсе не в сильном запахе цветов, не в песне и не в словах Романа. Ведь это уже не первый раз за несколько дней. Не первый раз меня так резко мутит, что я теряю всякий контроль. В памяти всплыли обрывки — внезапная слабость на работе, головокружение дома, обморок в электричке...

И вдруг, среди всей этой паники, меня будто током ударило воспоминание.

Ведь однажды такое уже было.

Тогда, много лет назад, когда мы с Ярославом ещё только мечтали о ребёнке. Мы пытались, но каждый раз был пролет. Я помню те месяцы — больница за больницей, анализы, процедуры, бесконечные надежды, которые рушились каждый месяц. Я уже тогда смирилась, что не получится, что, наверное, это не моё.

И однажды утром в метро я упала в обморок. После того, как пришла в себя, всё-таки доехала до работы, бледная и дрожащая. И едва я вошла в кабинет, моя коллега — даже не близкая подруга, просто женщина с острым глазом — выслушав мою историю, сразу же заявила:

— Так ты, дорогуша, беременна!

Я отмахнулась, даже рассмеялась — какая глупость, да не может быть. Но меня начало тошнить каждый день. И оказалось — да. Я тогда действительно носила ребёнка.

И сейчас... Сейчас происходило ровно то же самое. А я также не верю в это. Но на этот раз не хочу верить.

Глава 19

Впервые за очень долгое время я возвращалась домой так поздно. Во дворе было темно и тихо. Я еле-еле ковыляла, в сотый раз проклиная свое решение надеть туфли на высоких каблуках. Уже у самого подъезда я вдруг заметила какое-то движение — две тени у лавки, слившиеся воедино. Сначала я не придала этому значения — мало ли молодых людей зажимается по ночам. Но, подойдя ближе, я увидела девушку, которая прижималась к парню.

И кровь застыла в жилах. Это же моя девчонка! Моя Ритка!

Это её куртка, её рюкзак, её голос, этот нервный, фальшиво-взрослый смех. Ее проклятая коротенькая юбка.

— Рита! — рявкнула я.

Она вздрогнула, обернулась.

— Мам? Что ты тут делаешь?

— Это ты что тут делаешь! Тебе не стыдно? — последнюю фразу я бросила в лицо ее ухажеру.

Парень замялся, потом хмыкнул и, пытаясь скрыть растерянность, бросил:

— Да ладно вам. Мы просто стояли...

— Иди домой! — прикрикнула я на него.

Он что-то пробормотал, потом развернулся и пошёл прочь. Рита рванула за ним следом, но я перехватила её за

руку.

— Ты тоже идёшь домой, поняла?

— Мам, отпусти! Это не твоё дело! — она вырывалась, в ее глазах блестели слезы, лицо покраснелось. — Я уже взрослая!

— Да ты еще ребёнок, Рита!

Она замолкла, прикусив губу, но глаза — злые, взрослые, колючие — смотрели прямо в меня.

— Ненавижу тебя, — прошептала она тихо.

— Идём домой!

— Не пойду!

— Пойдёшь! — я схватила её крепче и повела к подъезду.

Она вдруг резко вырывалась и бросила возмущенно мне в лицо:

— А ты сама-то где гуляла, мама? — выкрикнула она. — Платье нацепила в обтяжку, губы размазаны... У тебя что, было свидание? Решила уйти в загул, избавившись от папы?

Я застыла, глядя на нее. Боевой раскрас на нежных чертах лица, огонь в глазах, нахально задранный подбородок. Маленькая... и в то же время такая чужая.

— Что ты несёшь, Рита? — наконец смогла произнести я. — Не была я ни на каком свидании...

— Да ну? — перебила дочь. — А кто же тебя тогда забирал?

— Это был... друг твоего отца. Твой крестный. Мы... разговаривали.

— Так разговаривали, что аж тушь потекла и помада размазалась!

— Иди домой, — сказала я устало. — Просто иди.

— Иду, — бросила она, — но не потому, что ты так сказала...

Мы вместе вошли в квартиру, и тут Риту опять прорвало.

— Да что я такого сделала? — возмутилась она.

— Правильно всё мать говорит! — поддержала меня сестра. — У тебя юбка — я извиняюсь, но на кукле Барби длиннее!

— Тётя Лена, а вы не лезьте! — вспыхнула Рита. — Воспитывайте своих детей! И вообще... Почему вы тут у нас живете?

— Всё, Рита, — перебила я ее. — Телефон — на стол.

— Что? Мам, ты издеваешься?

— Телефон. На стол, — повторила я, глядя ей прямо в глаза.

Она топнула ногой, но всё же кинула мне свой телефон.

В этот момент из своей комнаты выглянул сын.

— Чего вы опять орёте-то, — пробормотал он. — Каждый день одно и то же. Может, уже хватит?

— Ты уроки сделал? — я тут же перешла в наступление. — Или вообще из реальности выпал из-за своего компьютера?

— Мам, ты стала просто невыносимой...

— Ты всех уже достала! — поддержала брата Рита. — Ко-

гда папа был дома, всё было нормально.

— Да, — кивнул её брат. — С папой было лучше.

— С папой было лучше, — повторила Рита, — и нам, и тебе.

— Папа бросил нас!

— Тебя, а не нас, — пробормотал Артём. — И теперь понятно, почему он ушёл. С тобой невозможно...

— Знаете что, — сказала я резко, — если вам со мной так плохо, если я вам мешаю жить, если я чудовище — идите к своему папе!

Я ждала, что они испугаются, спасуют, но Рита выдала, как будто только этого предложения и ждала:

— Ну и пойдём!

Ее брат кивнул:

— Да. Пойдём.

— Что вы несёте... — прошептала я, но Рита уже отвернулась и пошла к себе, хлопнув дверью. Артём ушёл следом.

Лена подошла ко мне, положила руку мне на плечо.

— Оль, не кипятись, — тихо сказала она, — они просто не понимают... Им нужно время.

Я с трудом перевела дыхание, провела ладонью по лицу.

Лена кивнула, понимающе, устало.

— Я знаю, что тебе тяжело. Но держись, ладно? Не вздумай сейчас раскиснуть. У тебя двое — и оба взбесились. Кто-то в этом доме должен оставаться в здравом уме.

— Не надо, — я покачала головой. — Я сама виновата.

Кричала на них, как безумная...

— Ну... а встреча с Романом-то как прошла?

— Ох... Лучше не спрашивай!

Глава 20

— Ну как это — не спрашивай? — возмутилась Лена. — Я из-за этого тебя и ждала, даже спать не ложилась! Так что давай, скорей рассказывай!

— Просто забудь. Не было там ничего хорошего, — я отмахнулась.

— Ого... Теперь мне интересно вдвойне! Я ведь, знаешь, пока тебя не было, вспоминала этого твоего Романа. Вы ж тогда дружили с ним семьями, и я тоже пару раз у них в гостях с вами была — на Новый год и летом, кажется, жарили шашлыки. Хороший он мужик, Оль. Не заносчивый, не пьёт, не шляется. Солидный, видно, что надёжный.

Я прикрыла глаза.

— Лен, пожалуйста. Не начинай.

— А что? — не унималась она. — Я просто говорю. Не всем же мужикам крышу сносит после сорока. У этого, видно, башка на месте. Он, кстати, тебя, по-моему, тогда уже заметил. Ну ты не замечала, а я — да, — она лукаво прищурилась. — Глаза у него прямо загорались, когда ты смеялась...

— Лен, хватит, — попросила я. — Я сейчас вообще не думаю про мужчин. У меня дети, которые совсем от руки отбились, счета, которые надо каким-то образом оплатить, и тошнота, которая второй день не проходит...

— Тем более! — упрямо сказала она. — Всё плохо, а тут жизнь сама подсовывает тебе шанс. Только не упусти его.

Я вздохнула, потеряла виски.

— Лен, мне не нужен сейчас никакой шанс. Мне нужен покой.

Сестра посмотрела на меня и тихо добавила:

— Покой — это хорошо, Оль. Но иногда покой — это просто страх жить дальше.

Я покачала головой. Почему-то мне не хотелось показывать ей, что она, кажется, снова оказалась права.

— Так, — но Лена не дала мне времени подумать и порефлексировать, она жаждала услышать подробности. — Ну скажи хоть, что могло пойти не так? Он тебе что, нахамил? Приставал? Попросил разделить счет? Расскажи, я просто не знаю уже что придумать...

— Лен, пожалуйста... Не лезь.

— Не лезь? — она округлила глаза. — Я тут сижу, как на иголках, жду, думаю — ну, хоть у сестры личная жизнь наконец-то наладится, а ты сидишь мрачная и говоришь каким-то загадками... Что произошло-то? Что конкретно случилось?

Я взорвалась.

— Да вырвало меня! Вырвало, понимаешь?

— В смысле? Прямо там, в ресторане? На него, что ли?

Я застонала, схватившись за голову.

— Нет, конечно, не на него! Я же не дикарь какой-то! Я

успела выбежать, но всё равно — это было ужасно, Лен. Он взял меня за руку, говорил такие вещи, а я... — махнула рукой, не в силах закончить. — Это катастрофа.

Лена на секунду застыла, потом — как это часто с ней бывало — не выдержала и прыснула от смеха.

— Оль... ну ты даёшь!

— А мне не смешно! Мне стыдно, понимаешь?

— Подожди... Может тебя от него стошнило? Или от его слов?

— Ленка, я тебя сейчас придушу, — буркнула я. — Меня не от него стошнило. Он... Он очень хороший. Вот в этом и беда, наверное.

— Беда в том, что он хороший? Ты, кажется, совсем запуталась.

— Просто... я не ожидала, что он будет таким.

— Каким — таким?

— Словно и не было между нами всех этих лет... И ещё... он сказал, что у него ко мне есть чувства.

— Что?! — Лена даже подалась вперёд. — Прямо так и сказал?

Я кивнула.

Она замерла на секунду, а потом расплылась в довольной улыбке:

— Я же говорила! Я *знала*! Вот честно, я ещё тогда заметила, как он на тебя смотрит. Он всегда относился к тебе не так, как старый друг, Оль, это всё было видно невооружён-

ным глазом! А ты?

— Как раз в этот момент меня и затошнило, и я убежала прочь...

— Да уж... Неприятненько вышло, — согласилась сестра, но потом, заметив, что я и так расстроена, решила меня как-то утешить: — Ну подумаешь, вырвало, — начала уговаривать она. — Бывает. Может, давление, нервы... Он мужик неплохой, ты сама знаешь.

Я долго молчала, не решаясь признаться в своих догадках, но потом все-таки смогла попросить:

— Лен... а ты не могла бы завтра сходить со мной к врачу?

Если завтра мне суждено будет узнать правду, мне нужен будет рядом кто-то, кто сможет по-настоящему меня поддержать.

— Правильно, тебе обязательно надо провериться, — согласилась Лена. — Конечно, пойдем. К тебе в медцентр?

— Нет, не хочу, чтобы на работе что-то знали ... — выдавила я, чувствуя, как щеки горят. — Не хочу, чтобы там про меня шушукались. Лучше не туда, где все знакомые.

— Да, ты права. В другой так в другой.

Она посмотрела на меня и безошибочно считала всю тревогу, которая томила сейчас в моей душе.

— Не бойся, — сказала она тихо. — Все будет хорошо!

— А что, если это не просто нервы или давление? — сказала я жалобно.

Лена пожала плечами:

— Не будем гадать. Просто пойдем и проверим. Ладно? Ты переживаешь — это нормально. Но сидеть и фантазировать, накручивая себя, еще хуже.

Я глубоко вздохнула. Меня радовало только одно — что я могла не оставаться с этим один на один.

Глава 21

Мы вышли из дома ещё затемно — воздух был влажным, свежим, с запахом осенних листьев и асфальта после ночного дождя. Город только начал просыпаться, в окнах домов загорались первые огни. Редкие машины тянулись по полупустым улицам.

Лена была настроена удивительно бодро для столь раннего времени суток.

— Хоть электричка посвободнее будет! — радовалась она. — С какого врача начнём, уже знаешь?

Я молча кивнула. Ответ был очевиден — я решила ещё вечером. Но говорить об этом сестре пока не хотелось.

Я выбрала ближайший к дому медцентр — новый, с хорошим ремонтом и кофе из автомата в углу. Мы прошли к нужному кабинету по длинному коридору, по которому эхом отдавались наши шаги. Я ловила себя на мысли, что всё это кажется мне нереальным — будто я наблюдаю за собой со стороны.

У кабинета никого не было. Я села на стул, прижала сумку к коленям и почувствовала, как внутри нарастает дрожь — не от страха даже, а от того, что неизвестность, которая мучила меня, через несколько минут должна разрешиться. Лена присела рядом.

— Хочешь, я зайду с тобой? — тихо предложила она.

— Да. Пожалуйста...

Она молча кивнула, и в этот момент дверь кабинета открылась. Приятная женщина в белом халате выглянула и позвала:

— Ольга Викторовна? Проходите.

Я поднялась и шагнула внутрь. Дверь за мной закрылась, отрезав привычный мир. Внутри кабинета было тихо — было слышно только ровное гудение аппарата.

Я легла на кушетку. Врач — женщина лет сорока, с собранными в тугую пучок светлыми волосами — молча смазала мне живот прохладным гелем и включила аппарат. На экране вспыхнуло мутновато-серое мерцание, расплывчатые пятна.

Врач чуть наклонилась вперед, присмотрелась. Молчание затянулось — и это молчание было невыносимым. Я почувствовала, как по спине пробежал холодный пот.

— Что там? — спросила я, не узнавая собственного голоса.

Она не ответила сразу. Щёлкнула что-то на панели, немного повернула датчик, будто отыскивая нужный угол. Потом её взгляд смягчился. Она кивнула в сторону монитора, где среди зыбких серых линий мелькнуло крошечное ритмичное дрожание.

— Видите? — спросила она.

Я покачала головой.

— У вас восемь недель, — сказала она спокойно, с легкой

улыбкой.

— Восемь недель чего? — переспросила Лена.

— Беременности. Чего же еще? — ответила врач всё тем же ровным голосом.

А у меня в этот момент будто отключился слух. Воздух вокруг стал вязким, густым, как в аквариуме. Я видела, как Лена поворачивается ко мне, как у неё округляются глаза, но звуки доходили искажённо, как будто через стекло.

— Подождите... — наконец выдохнула я, чувствуя, как кровь отливает от лица. — Этого не может быть. Вы... вы, наверное, ошиблись.

— Ошибки быть не может. Сердцебиение стабильное. Всё в порядке...

— Мне сорок четыре года! — возмущенно воскликнула я. — Скоро будет сорок пять!

Врач повернулась ко мне с мягкой улыбкой.

— Ну и прекрасно. Ваш возраст — совершенно не приговор. У меня пациентка недавно родила в сорок семь, представляете? Первый ребёнок! И всё прошло отлично. А у вас, как я поняла, уже были беременности?

— Да, были беременности... — согласилась я растерянно, — и они были очень непростыми. У меня очень долго не получалось в первый раз.

— Ну вот, а сейчас получилось. Иногда организм сам решает, когда ему подарить вам новую жизнь.

Я смотрела на экран, где бледно пульсировала маленькая

точка — это и было *оно*, то самое сердцебиение, о котором врач сказала. И я никак не могла соединить эту точку внутри себя с собой.

Я закрыла лицо руками.

— Этого просто не может быть.

— Может! Организм женщины гораздо сильнее, чем вы думаете. А когда женщина уже отпускает всё, перестаёт контролировать... Жизнь сама выбирает момент.

Я сидела неподвижно, чувствуя, как всё вокруг будто расплывается. Слова врача звучали спокойно, обнадеживающе, даже красиво — но внутри меня всё протестовало.

Не может быть. Просто не может.

— Вам сейчас нужно только одно — спокойствие, — сказала врач. — Никаких стрессов, больше отдыха. Я распечатаю результаты. И да, поздравляю вас!

— Спасибо... — прошептала я.

Лена вздохнула:

— Ну что, сестричка... Поздравляю! Кажется, ты попала...

Я не смогла ответить. Только кивнула. *Попала*— это ещё мягко сказано.

Перед глазами промелькнули кадры далекого прошлого: как я лежала в палате после последних родов, и врач осторожно сообщил, что естественным путём, скорее всего, забеременеть больше не получится. Не могу сказать, что я тогда сильно расстроилась — у меня уже было двое погодок, и

мне казалось, что этих двоих сорванцов мне хватит на всю жизнь с головой.

А теперь — вот так? После всего, что я пережила, после предательства мужа, после того, как я уже решила, что жизнь можно только собрать по кусочкам, но не начинать сначала...

Врач протянула мне бумаги.

— Никаких патологий не обнаружено. Плод развивается нормально. Берегите себя!

Мы с сестрой вышли из кабинета. У меня подкосились ноги, и Лена подхватила меня под руку.

— Оль, только не падай, ладно? Хотя... если честно, я сейчас сама упаду...

— Нет... я уже падала. В электричке. Второй раз не хочу.

Мы вышли из медцентра в утреннюю прохладу — солнце уже поднялось, но воздух ещё держал остатки ночной свежести. Я шла как во сне, сжимая в руках конверт с результатами.

— И что теперь? — наконец спросила я. — Что я должна теперь делать, Лена?

Она растерянно пожала плечами.

— Что делать? Я не знаю, как платить за квартиру, что делать с детьми, с работой, с... — я помахала конвертом в воздухе. — С этим всем?

Лена вздохнула и пожала плечами.

— Это вообще... — я осеклась, чувствуя, как в горле вста-

ла ком. — Не вовремя.

— Это никогда не бывает вовремя...

— Но бывает же хотя бы не *настолько* не вовремя! — выдохнула я, чувствуя, как снова подступают слёзы. — Я же хотела всё закончить с мужем, начать жить заново, разобраться, куда идти дальше. А теперь... теперь что?

— Просто дай себе на подумать хотя бы пару дней.

Сестра хотела ещё что-то добавить — я это почувствовала. У неё даже губы чуть дрогнули, будто слова уже готовы были сорваться. Но потом она взглянула на меня — и передумала. Сделала вид, что поправляет сумку, вздохнула, отвела взгляд.

— Ты что-то хотела сказать? — спросила я, уловив эту паузу.

— Ничего, — быстро ответила она. — Потом как-нибудь...

Я знала — что-то есть точно. Но сил расспрашивать уже не было.

Сейчас надо думать, что делать с этим новым знанием. Во мне зародилась новая жизнь — когда моя собственная только что развалилась на куски.

Глава 22

Я шла на работу словно во сне. Мимо проезжали машины, пробегали прохожие — но я всего этого не замечала. Всё казалось мне каким-то чужим, плоским, не имеющим ко мне никакого отношения. Мир жил своей жизнью, а моя словно остановилась. Меня не покидало ощущение, будто я стою на краю какого-то обрыва, и земля под ногами уже подрагивает, грозя обрушиться вниз.

Беременность.

Это слово не укладывалось в голове. Оно звучало как нечто невозможное, почти абсурдное.

Я невольно положила руку на живот — и тут же убрала, будто обожглась. Нет, я не готова. Не хочу. Мне страшно. Мне больно. Мне не нужно это сейчас.

Я вспоминала через что мне пришлось пройти с двумя беспокойными погодками — без бабушек, без нянь, без какой-либо помощи со стороны мужа. Когда родилась Рита, я почти не спала. Она кричала ночами, и я кормила, укачивала, пела, плакала вместе с ней. Через год родился сын, и тогда я уже не понимала, день на улице или ночь. Всё время — кормления, подгузники, стирка, крики, температура, зубы, тревога. Один спит, второй орёт. Один орёт — второй просыпается.

Я была одна. Совсем одна.

Ярослав работал — надо же было содержать семью. Возвращался поздно, уставший, раздражённый. Ложился на диван, включал телевизор, и на все мои просьбы помочь говорил:

— Ты же сама хотела детей! Ты так стремилась к этому.

Да, я безумно хотела деток, но разве это значит, что мне нужно никакой помощи? Всё и так было только на мне: прививки, прогулки, садики, собрания. А муж... он просто *был* где-то рядом, но не со мной. Он же работает, зарабатывает деньги, содержит нас. Он же так сильно устает! А мне как будто не знакома усталость... Каждый раз, когда я просила о помощи, он отмахивался:

— Мне завтра рано вставать.

А мне как будто не нужно было рано вставать. И еще плюсом несколько раз посреди ночи.

Родители тоже не могли помочь — только изредка приезжали в гости. Они жили в маленьком городе, в трёхстах километрах отсюда.

— Уезжай туда, если тебе там будет легче, — предложил мне тогда «любящий» супруг. Но я выбрала остаться и продолжить тащить все на себе — мне казалось, что семья при любых обстоятельствах должна оставаться вместе.

Когда дети немного подросли, Ярослав мог поиграть с ними пару часов на выходных. Принести пиццу, включить мультики, покатать на велосипеде — это его максимум.

А теперь... теперь у меня не будет даже этой крохотной

помощи от мужа. Никто не будет меня и моих взрослых детей содержать, пока я буду нянчить младенчика. И опять — всё будет только на мне. Только я уже не так молода и полна сил, как была когда-то.

Я не могу. Не хочу. Не выдержу еще раз пройти через это.

Я зашла в комнату для персонала, машинально поздоровалась с коллегами. Кто-то листал карты, кто-то жаловался на пациентов, кто-то смеялся. Только не я. У меня внутри стояла мертвая тишина.

— Оль, с тобой всё в порядке? — Марина, наша процедурная медсестра, глянула на меня поверх очков. — Ты бледная вся... У тебя кто-то умер, что ли?

Я машинально улыбнулась — привычной, вежливой улыбкой, которая как бы говорила «оставьте меня в покое, пожалуйста».

— Нет, всё нормально, — ответила я. — Просто не выспалась.

Марина пожала плечами и пошла дальше. А я села за стол, открыла журнал, собираясь его заполнить, но перед глазами все поплыло. Невозможно было ни на чем сосредоточиться. Мозг лихорадочно пытался составить хоть какой-то план дальнейших действий, но не находил выхода.

— Ольга, — выглянула из-за угла секретарь главврача. — Вас вызывает... Сейчас можете?

— А... да, конечно. Сейчас иду.

У двери кабинета главврача я остановилась, постучала.

— Ольга, присаживайтесь. Что-то вы сегодня неважно выглядите. Всё в порядке?

Я села, чувствуя, как ладони холодеют. Хотелось сказать — *да, всё нормально*, но горло перехватило.

— Просто утро тяжёлое, — выдавила я.

— Может, вам день отгула взять? — мягко сказал он. — Или... вам нужна помощь врача?

Я опустила взгляд. Мне показалось, что, если я сейчас встречусь с ним глазами, то расплачусь.

— Нет, всё хорошо. Я просто немного... устала.

Он помолчал, потом отложил бумаги.

— Ольга, вы — одна из наших лучших сотрудников. Но я вижу, что вы измотаны. Не геройствуйте. Серьёзно. Возьмите выходной. Без вас всё не рухнет.

Не рухнет... А я сама уже чувствовала, что рушусь изнутри. И не знала, как это остановить.

— Я не могу позволить себе отгул, — ответила резко. — Мне нужно зарабатывать деньги...

— Вот о деньгах я как раз и хотел с вами поговорить, — сказал врач, тяжело вздыхая. — И по поводу вашего запроса на повышение.

Я вздрогнула. *Неужели я услышу хоть что-то хорошее сегодня?*

Я выпрямилась, стараясь не выдавать волнения, но внутри уже зашевелилась надежда. Неужели меня ждет хоть и маленькая, но всё-таки — радость. После невыносимой тяже-

сти последних дней — хоть крошечная передышка.

Врач посмотрел на меня поверх очков, чуть сдвинул их на кончик носа.

— Мы, конечно, всё внимательно рассмотрели, — начал он своим привычным спокойным тоном. — Вы действительно много делаете, ваша работа на вес золота.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, улыбнулась.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Однако... — он сделал паузу, — в нашем финансовом плане на этот квартал повышение фонда оплаты не предусмотрено.

Я смотрела на него, надеясь, что услышу продолжение, но он молчал, глядя на меня выразительно.

— Простите... то есть... совсем не предусмотрено? — спросила я, хотя ответ уже был очевиден. — Даже в виде исключения? Даже для тех сотрудников кто, как вы сказали, на вес золота?

Он вздохнул.

— К сожалению, да. Понимаете, это не от меня зависит. Вы — большая молодец, я вас искренне ценю как специалиста. Но пока нет такой возможности.

Слова «большая молодец» ударили как пощёчина. Они звучали будто утешение ребёнку, который зря ждал подарок. Я кивнула, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

— Понимаю, — прошептала я. — Конечно.

— Не принимайте близко к сердцу. В следующем году, возможно, пересмотрим ставки.

В следующем году.

Я чуть не рассмеялась. Какая разница, что там будет в «следующем году», если я не знаю, что будет со мной завтра.

— Спасибо, — тихо сказала я и поднялась со стула. — Я все поняла.

— Отдохните, Ольга, — доброжелательно добавил врач. — Вы выглядите уставшей.

Уставшей. Если бы он знал, насколько.

Я вышла в коридор и на мгновение прижалась к стене, чтобы не упасть. Даже такой маленькой радости, как повышения и без того небольшой зарплаты, судьбой для меня не было предусмотрено.

Глава 23

Когда мы с сестрой переступили порог квартиры, дом встретил нас тишиной. Но это была не та уютная тишина, когда все спят, а вязкая, тревожная, в которой будто кто-то притаился.

Не успела я снять пиджак, как из комнаты вылетела Рита.

— Мам, ну дай телефон, пожалуйста, — сразу же набросилась она на меня, не тратя время на приветствия и лишние разговоры. Глаза у нее горели как у зависимого, которого лишили самого необходимого.

— Нет, — ответила я, даже не поднимая глаз.

— Ну ма-ам, я же целый день без него!

— Значит, ещё денек побудешь, — я повесила пиджак на крючок, стараясь не смотреть на её губы, накрашенные в какой-то вызывающий бордовый, и глаза, нарисованные как у взрослой женщины.

— Это уже бред какой-то! — возмутилась она, заламывая руки. — Все нормальные родители телефоны не отбирают!

— У всех нормальных детей не приходится их отбирать, — парировала я сухо. У меня не было ни сил, ни настроения устраивать разборки. Она мне даже разуться и перевести дух не дала, прямо с порога налетела.

Дочь резко развернулась, хлопнула дверью своей комнаты так, что стекло в коридоре дрогнуло. Она всегда была папи-

ной дочкой...

Лена, снимая ботинки, тихо хмыкнула. Я же тяжело вздохнула и прошла дальше по коридору, туда, откуда доносился мерный треск клавиатуры. Снова! Сын сидел, как обычно, в полутьме — экран светил ему прямо в лицо, пальцы мелькали безостановочно. Наушники были на голове, и я не сомневалась, что он не заметил моё появление.

— Артём, — позвала я.

Ноль реакции.

— Артём! — громче.

Он вздрогнул, снял одно ухо.

— Что?

— Что — «что»? Сколько ты уже сидишь? Ты уроки сделал?

— Потом.

— Потом — когда?

— Мам, сейчас не могу, я на миссии, если выйду — вся команда...

Я подошла ближе и, не давая ему опомниться, выдернула переходник из розетки.

Монитор сразу же погас.

— Ты чего сделала! — сын вскочил, как ошпаренный. — Ты совсем с ума сошла?!

Он рванулся ко мне, но я уже вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

— Верни! — закричал он из-за двери. — Это вообще незаконно!

Мне хотелось швырнуть провод об стену и разбить, чтобы никто и никогда больше не смог включить этот чертов экран, который засасывал моего сына. Иногда мне тоже хотелось психануть, как и всем в этом доме. Но я просто положила его на комод, рядом с пачкой неоплаченных счетов.

Лена наблюдала, не вмешиваясь.

— Решила устроить им взбучку? — спросила спокойно.

— Решила, — ответила я. — Больше заняться этим некому.

Мне стало тошно от своей собственной мягкости. Ох уж этот привкус бесконечного компромисса, от которого горчит во рту... Да, мне было очень тяжело с детьми, когда они были совсем маленькими. Но вот они уже чересчур самостоятельные подростки, а стало ли с ними легче? Вряд ли. Они вновь и вновь бросали мне новые вызовы.

А скоро у нас появится еще один маленький член семьи. Если сейчас не установить в доме строгие правила, то будет поздно: я просто утону в хаосе, в конфликтах, в бесконечных «я хочу», «я уйду», «не мешай», «я занят».

Я прилегла на диван и подумала о том, что нужно изменить прямо сейчас, пока ещё можно. Нужно привлечь детей к помощи по дому: пусть хотя бы возьмут на себя вынос мусора без напоминания, убирают за собой вещи и готовят ужины по очереди. Хватит быть потребителями!

Это звучало немного сурово, но мне надоело быть мягкой. Я не хотела, чтобы третьему ребёнку досталась мать, доведённая до белого каления. И я приняла решение как можно скорее поговорить об этом с детьми. Не стоит им, конечно, пока рассказывать о ребенке, но перемены, которые нам предстоят, все-таки стоит обсудить.

А Лена тем временем уже застёгивала собранную сумку и, не глядя на меня, спросила тихо:

— Ты точно не хочешь, чтобы я осталась? Может, хотя бы до завтра...

Я покачала головой.

— Нет, что ты... Ты должна поехать домой, к семье. У вас и так теперь есть только выходные...

— А ты?

— А я справлюсь. Правда!

Она обернулась — глаза настороженные, изучающие.

— Оль, ты только сегодня такое узнала. Это шок. Я бы, наверное, лежала пластом в обмороке.

Я попыталась улыбнуться.

— Если я лягу, Лён, всё рухнет. Дети и так делают, что хотят. Если я сейчас не соберусь, то у нас тут будет полный хаос.

Она замолчала, прижимая к себе сумку.

— Ты уверена, что справишься? — спросила тихо. — Я просто... боюсь оставлять тебя одну.

— Мне это будет даже полезно! Подумать, разобраться с

тем, что делать дальше. А ты езжай, у тебя муж, дом, свои заботы. Не могу же я всё время держаться за твою руку.

Лена опустила на край дивана, вздохнула и посмотрела на меня долгим, тревожным взглядом.

— Тогда пообещай одно, — сказала она. — Позвони, если станет совсем плохо. Не держи в себе, ладно?

Я кивнула.

— И не жалея их, — она бросила взгляд в сторону закрытых комнат моих отпрысков. — Дети сейчас такие — только покажи слабинку, и всё, сядут на голову.

— Я понимаю. Им нравилось, когда мама — мягкая. А мягкость — это роскошь, которой я больше не могу себе позволить.

Лена грустно усмехнулась.

— Вот и держись этого. Ты сильная, просто иногда об этом забываешь.

Мы обнялись у двери. Она отстранилась, посмотрела на меня ещё раз встревоженно, сжала плечо.

— Уезжаю с тяжёлым сердцем, — сказала она тихо. — Сразу звони, если что. Хорошо?

Я так убеждала сестру, что со мной все будет хорошо, а у самой мороз побежал по коже, когда дверь за ней захлопнулась, и я осталась совсем одна.

Я поспешила на кухню, хотя готовить уже не было ни сил, ни смысла. Телефон положила рядом на подоконнике — одной рукой помешивала ложкой макароны, а другой листала

вакансии. Медцентры, клиники, диспансеры — я откликнулась на всё подряд, даже не глядя.

— Еда готова! — крикнула я, оборачиваясь к коридору.

Никто не ответил. Тишина. Я пошла к ним.

— Рита, Артем! Еда на столе, — сказала уже громче и толкнула дверь в комнату дочери. Она лежала на кровати.

— Не хочу есть, — буркнула Рита.

— Почему же?

— Потому что ты всё время орёшь, — бросила она и снова уткнулась в подушку.

Артем тоже отказался.

— Мне не голодно, — сказал он сухо и отвернулась.

Я понимала, что они злятся. Злятся на меня.

Я снова сделала шаг к комнате Риты, чтобы что-то ей сказать, попытаться как-то донести свою правду, но в следующее мгновение меня накрыло волной тошноты. Где-то в животе потянуло, будто предупреждало: *остановись*.

Я закрыла глаза и вспомнила слова врача — *нельзя нервничать*. Но как, скажите мне, не нервничать? Когда дети перестают слушаться, когда в глазах их — сплошное раздражение, а впереди пугающая неизвестность?

Пошатываясь, я вернулась на кухню, опустилась на стул. Понимала, что не смогу проглотить ни кусочка. Жар от плиты ещё держался в воздухе, и это вызывало новую волну тошноты.

Я сидела, уставившись в пустоту, и тихо спросила сама

себя:

— Зачем я всё это делаю?

Ответа не было. Только тихое потрескивание кастрюли на плите.

— Зачем я терпела Ярослава? — вырвалось шепотом.

Сколько лет я пыталась удержать этот брак, сохранить видимость семьи, когда он давно уже жил отдельно — морально, а теперь и физически.

Что делать дальше я не знала. Одно было ясно — мне нельзя нервничать. Только вот как это сделать, когда всё вокруг — один сплошной повод для слёз?

Я вздрогнула, когда телефон коротко пискнул на столе.

"Я почти доехала. Всё будет хорошо, слышишь? Не думай о плохом."

Я невольно улыбнулась, получив весточку от сестры, и быстро набрала в ответ: *"Доедешь — отпишись, ладно?"*

Телефон снова завибрировал. Я посмотрела на экран и замерла. Роман.

"Мы может сейчас поговорить? Я у твоего дома"

Глава 24

Я перечитала сообщение еще раз, другой, будто надеялась, что смысл изменится. Но слова остались прежними — простыми, настойчивыми. Я знала, что рано или поздно нам предстоит сложный разговор, но я все еще не была к нему готова.

Телефон снова завибрировал, и я, уже зная, кто это, открыла сообщение.

"Я во дворе. Спустись, пожалуйста. Надо поговорить. Ненадолго."

Внутри боролись два чувства. Первое — хотелось укутаться в одеяло, спрятаться от всего мира, вычеркнуть этот день из своей жизни. Второе — хотелось честно объяснить-ся с Ромой. Он заслуживает честности. Заслуживает узнать почему я тогда сбежала.

Он ведь не сделал ничего плохого. Просто хотел сказать мне... слишком многое. А я даже не дала ему договорить. Я вспомнила, как он смотрел на меня в ресторане — с такой теплотой, будто в мире не существовало больше никого. И как я тогда убежала, оставив его сидеть одного с этим огромным букетом.

Я встала, прошла в коридор и остановилась у дверей в детские комнаты. Затаила дыхание, прислушиваясь, как будто так могла понять, заметят ли дети, если я сейчас уйду.

Если Рита увидит, что я снова куда-то отправилась поздним вечером — после того как она уже увидела, как я отправилась на «свидание» с Ромой — это будет перебор.

— Я в магазин, — крикнула я в сторону комнат.

Рита не ответила. Артём тоже.

— Я быстро, — добавила я, хотя и знала, что им, скорее всего, всё равно.

Я накинула куртку, сунула ключи в карман и тихо вышла.

Рома стоял у подъезда, опершись о перила, с усталым, но мягким взглядом. Когда я вышла, он сразу же поднял голову и приветливо улыбнулся.

— Привет, — сказал тихо. — Я рад, что ты всё-таки вышла.

— А я рада тебя видеть...

— Может, посидим где-нибудь? Вон там ресторан на углу. Или...

— Нет, — я торопливо перебила. — В ресторан не хочу.

— Тогда, может быть, кафе? Или в машине...

— Лучше здесь, — сказала я и кивнула на лавочку у детской площадки. — И идти далеко не нужно...

Он немного помрачнел — кажется, мое решение посидеть во дворе на лавке, он растолковал по-своему. Возможно, как нежелание куда-то с ним идти. Но я все еще неважно себя чувствовала и хотела уберечься от духоты и сильных запахов, чтобы не пришлось снова убежать.

Мы прошли к скамейке, сели на нее. Между нами остал-

ся маленький промежуток, но я всё равно чувствовала тепло его тела совсем рядом с собой. Воздух казался чистым (насколько это вообще возможно для подмосковного города), и после домашней духоты казался почти спасением.

Рома немного помолчал прежде, чем начать.

— Я хотел извиниться, — тихо сказал он наконец. — За тот вечер. Я не должен был... Так на тебя давить. Когда ты сбежала, я понял, что был неправ, что слишком поторопился со своими признаниями... Вы с Ярославом едва расстались.

— Я не хотела сбегать, — ответила я тихо. — Если честно, мне просто стало нехорошо.

— Я вышел за тобой, но тебя уже нигде не было, — продолжил Роман. — Хотел позвонить, но не знал — стоит ли.

Он посмотрел внимательно, чуть наклонив голову:

— Ты очень расстроена. Из-за Ярослава?

— Из-за всего, — я усмехнулась невесело. — Всё как-то разом навалилось.

Рома замолчал. Я чувствовала, что он ждёт каких-то слов от меня, но не знала, с чего начать. Чувствовала, что вот он, этот момент, когда нужно выговориться, рассказать всё на чистоту.

— Я просто устала, Ром, — произнесла я почти шепотом. — Не понимаю, как жить дальше. Дети меня не слышат, на работе держусь из последних сил, а теперь... — я запнулась — теперь, кажется, ещё одно испытание.

Он нахмурился:

— Что-то случилось?

Я отвела взгляд.

— Потом. Я сама пока не знаю, что с этим делать.

Мне было нелегко подбирать слова. Слишком многое во мне откликалось на его присутствие — его ровный голос, его взвешенные слова, его спокойствие и надежность. Рядом с ним мне было... тепло.

— Я ничего от тебя не требую, — тихо сказал Рома. — Просто хотел знать, что с тобой всё в порядке.

— Со мной не всё в порядке, — прошептала я. — Но не из-за тебя.

Я снова посмотрела на него, и в груди что-то больно сжалось. Он действительно не заслуживал ни лжи, ни моего бегства.

— Я, честно, не знала, — сказала я, почти шёпотом. — Даже не догадывалась о том, что ты что-то чувствуешь ко мне. Для меня это... ну, просто полная неожиданность. Шок, наверное. Я не знаю, что еще сказать... Ты... ты замечательный человек. И мужчина... Правда.

Я почувствовала, как где-то глубоко под рёбрами сжимается сердце. Хотелось, чтобы он понял — я не отталкиваю, не отвергаю, просто не могу сейчас ничего ему дать.

— Ром, — наконец сказала я, не поднимая глаз. — Мне сейчас нельзя... Мне ни к чему сейчас такое. Не спрашивай. Просто... поверь, сейчас я не могу быть ни с кем. Вообще ни с кем.

Он медленно кивнул. Мы посидели ещё немного.

— Ты тогда убежала, будто я сделал что-то ужасное, — сказал он наконец. — Я думал... может, тебе стало неприятно, противно... что я сказал то, что сказал.

Я резко вдохнула, и на секунду мне стало стыдно до жжения. Вот чего я и боялась — что он подумает именно так. Что все его слова, его тёплое отношение оттолкнули меня.

— Нет, Ром, — я покачала головой, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Совсем не так.

— Но хоть намёк дай. Я ведь не железный. Хожу, думаю, что, может, перегнул, может, полез слишком быстро...

Я покачала головой, чувствуя, как щиплет глаза.

— Просто я... не готова. Не сейчас.

— Знаешь, когда женщина говорит «не сейчас», это значит обычно — «вообще никогда».

Я покачала головой.

— У тебя кто-то есть? — спросил он наконец. — Ты с кем-то?

— Нет, — ответила я твёрдо.

— Ладно, — сказал он. — Пусть будет так.

— Я правда тебя очень уважаю, — добавила я тише, — и благодарна тебе за всё. За то, что ты есть, за то, что ты рядом.

Сама не зная зачем, я потянулась к нему, взяла его за руку. Просто хотела, чтобы он понял, как он дорог мне.

Он чуть вздрогнул от этого моего прикосновения и сразу же убрал свою руку.

— Не волнуйся, — сказал он, глядя в сторону. — Не трудись объяснять. Я всё понял. Я для тебя просто друг и ничего больше.

Я запнулась, не зная, что ответить. «Нет, не просто» — хотела бы высказать, но меня вдруг охватил какой-то ступор. Потому что сказать правду — значило бы признаться в том, чего я сама пока ещё не понимала. И в том, чего не имела права чувствовать.

Мне хотелось дотронуться до него, сказать, что всё не так просто, что мне действительно с ним хорошо, но... Каждое слово застревало в горле.

Я не хотела его обижать. Не хотела причинять боль. Он был так добр, внимателен, искренен. А я... Я не могла быть с ним до конца искренней. Не могла поделиться тайной, которую носила внутри себя.

Как я могла сейчас признаться, что собираюсь рожать ребенка от мужа, с которым собираюсь развестись? Что я сама ещё до конца не поняла, как с этим жить. Что внутри меня не радость, а растерянность, неизвестность. Что все эти прекрасные слова, которые я слышала от Романа, тронули мою душу, но они просто... Не вовремя.

— Рома... — тихо позвала, — я ведь не просто так тогда тебя позвала.

— Ты хотела что-то рассказать?

Я кивнула. Горло пересохло.

— Да. Я... нашла кое-что у Ярослава. Документы. Думаю,

он... что-то мутит с деньгами фирмы. Я не понимаю деталей, но... похоже, что-то серьёзное.

Роман нахмурился.

— Ты уверена?

— Не совсем... Я не очень во всем этом разбираюсь. А потом... всё пропало. Все бумаги, папки — как будто их и не было.

Он тихо выругался, опустил голову. Помолчал и потом добавил:

— Я догадывался, — сказал он негромко. — Слишком многое не сходилось. И давно.

— И что теперь? — спросила я едва слышно. — Что теперь с ним будет?

Не то, чтобы меня сильно волновала судьба Ярослава, но всё-таки мне хотелось бы знать, к какому развитию событий мне стоит быть готовой.

— Теперь мне придётся заняться этим основательно, — сказал Рома хмуро.

Глава 25

— Здравствуйте! Это перинатальный центр «Мама и ребёнок»! Мы хотели пригласить вас к нам!

Я чуть не выронила телефон.

— *Кто, простите?*— переспросила я. — Подождите, но вы... Откуда вы знаете?!

В трубке воцарилась неловкая пауза.

— Э-э... Простите, что именно мы узнали? — растерялся звонивший.

— Ну... *это!*

На том конце провода окончательно смешались и замолчали. Потом раздался смех:

— Не знаю, что вы такое подумали... Но мы вообще-то хотели пригласить вас на работу!

— Ааа... На работу... — с облегчением выдохнула я. — А я-то уж подумала... Да. Точно. На работу. Конечно!

— Вы откликнулись на нашу вакансию пару дней назад... Сможете подойти, скажем... Прямо сегодня? — поинтересовалась собеседница.

— Смогу, — согласилась я торопливо. — Конечно, смогу! У меня как раз сейчас обеденный перерыв.

Я записала адрес, поблагодарила за звонок и какое-то время сидела, уставившись в экран телефона. Жизнь подбросила мне шанс, и вроде бы нужно радоваться, но мне было

ужасно неловко. Устраиваться куда-то на новое место, когда сама в скором времени собираешься уйти в декрет... Это как-то неправильно, непорядочно. Но другого выхода для себя я не видела.

Перинатальный центр оказался настоящим дворцом. Огромное стеклянное здание, зеркальные двери, блестящие поручни. После облупленного фасада моей родной поликлиники, в которой я проработала несколько лет, это выглядело как совершенно другой мир. Словно это не медицинский центр, а бутик или отель.

Я подошла к ресепшну, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовала себя на самом деле.

— Я на собеседование!

— Да, вас уже ждут! Проходите, пожалуйста.

После нашего короткого общения с главврачом, она призналась, что готова взять меня на работу, потому что они остро нуждаются в сотруднике. Я не стала уточнять почему именно вопрос встал так остро — в чем причина того, что сотрудники не задерживаются на этой работе? Мне, по большому счету, было всё равно. Мне нужно отработать свои несколько месяцев, подзаработать денег и спокойно уйти в декрет.

После собеседования меня передали приятной, улыбчивой женщине лет пятидесяти.

— Ольга, да? — уточнила она. — Меня зовут Тамара Викторовна, я старшая медсестра. Давайте, пройдемся, я вам по-

кажу, что к чему.

— У нас клиника частная, а значит и требования к персоналу высокие, — начала рассказывать женщина, — Здесь рожают не простые женщины, а... скажем так, женщины с запросами. «Звёзды», бизнес-леди, жёны депутатов... Все они привыкли, чтобы им угождали. И всем им надо угодить! Вот это, пожалуй, самое сложное в нашей работе. Клиент всегда прав, даже если он, мягко говоря, не в себе.

Мы шли по коридору, и я оглядывалась вокруг. Блестящие полы, современные мониторы — всё было так аккуратно, так дорого, так безупречно.

— Многие этого не выдерживают... С такими клиентами сложно, сами понимаете. Но в целом, — продолжала старшая медсестра, — коллектив у нас хороший. Работа — хоть и немного нервная, но благодарная.

— А зарплата у вас фиксированная или по сменам?

— Оклад выше среднего по городу! Плюс надбавки за ночные, премии и благодарности от пациентов. Конвертами.

— Благодарности — это хорошо...

— И да, работаем по сменам. И часто подрабатываем: кто хочет, остаётся на дежурства. Самое главное — чтобы никто из пациенток на тебя не пожаловался!

Конечно, богатые клиентки со своими капризами — удовольствие сомнительное. Но если платят хорошо — можно и потерпеть.

Мы спустились обратно в холл. Тамара Викторовна пока-

зала мне, где хранятся карточки клиентов, где журнал регистрации, где записывают смены. Я кивала, старалась не отставать и не выглядеть слишком растерянной.

— Вот здесь, — сказала она, открывая белый шкаф со стеклянными дверцами. — Истории пациентов...

В этот момент я зачем-то повернула голову — и увидела его.

Ярослав. Он стоял у стойки регистрации с девушкой. Той самой, которую я застала в нашей квартире. ..

— Всё в порядке? — спросила Тамара Викторовна. — Вы побледнели...

— Я в порядке! — выдавила я, чувствуя, как пересыхает горло. — Полном!

На самом деле мне было физически больно — будто ножом по сердцу.

Я сделала шаг назад, потом ещё один. Мне хотелось исчезнуть, раствориться между белыми стенами этого центра.

И вдруг я заметила *это движение* — её ладонь скользнула по ткани платья. По животу...

Мне сразу стало ясно как день, *зачемони* здесь.

Беременна. Она беременна от моего мужа!

Я застыла, словно во сне, пока Ярослав вдруг не поднял голову. Наши взгляды могли бы встретиться — но за секунду до того, как это произошло, я присела, спряталась за этажеркой с рекламными буклетами и детскими бутылочками.

Глава 26

Почему я прячусь? Не лучше ли было бы с гордостью встретиться лицом к лицу с воркующими голубками? С удовольствием понаблюдать за тем, как они будут корчиться и вилять? Или этим бессовестным уже море по колено, и они бы с непрошибаемой наглостью посмотрели мне в глаза? Этого я в любом случае уже никогда не узнаю, потому что у меня есть четкая установка — беречь себя. Беречь свои и без того измотанные нервы, беречь ещё не рождённого ребёнка.

Мне хотелось закричать: *это вы, вы оба должны прятаться, а не я!*

— Ольга... — раздалось шёпотом совсем рядом. Старшая медсестра, стоявшая чуть поодаль, прищурилась, глядя на меня. — Вы чего? У вас всё нормально?

Я судорожно приложила палец к губам и покачала головой: *пожалуйста, не выдавайте.*

Она озадаченно заморгала, потом, к счастью, поняла и, отступив к компьютеру, сделала вид, что копается в документах.

А я краем глаза видела, как *они* подошли к ресепшену. Администратор приветливо поднялась им навстречу:

— Здравствуйте! Вы по записи?

— Да, нам назначили приём у Виктора Сергеевича!

— К ведущему врачу? Конечно, — заулы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.